

Глава VII

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Мы начнем заключительную главу книги с анализа предложений трех теоретиков — Дурбина, Диккинсона и Лернера, которые пытались сформулировать «конкурентное» решение проблемы экономического расчета при социализме в русле «классической модели» Ланге. Нас в особенности будет интересовать то новое, что эти исследователи стремились привнести в модель Ланге, а также ответ на вопрос, смогли ли они понять суть проблемы, исходно поставленной Мизесом, и решить ее. В итоге мы придем к выводу, что «рыночный социализм» в сущности сводится к противоречивой и безнадежной попытке достичь абсурдной цели, подобной «квадратуре круга». Это мнение разделяют некоторые социалистические теоретики в главе с Морисом Доббом, которые всегда отмечали наличие конфликта между традиционным социализмом и «конкурентной моделью»; это означает, что существовал и дополнительный спор: между сторонниками и критиками «рыночного социализма» в пределах социалистического лагеря. В конце этой главы мы выскажем несколько заключительных соображений о невозможности социализма и значении научных открытий представителей австрийской школы.

1. Другие теоретики «рыночного социализма»

Большую часть предыдущей главы мы посвятили тщательному анализу предложений Оскара Ланге. Вообще говоря, именно на них чаще всего ссылаются вторичные источники, описывавшие и комментировавшие, чаще всего — пристрастно и неверно — спор об экономическом расчете при социализме. В то же время другие теоретики «рыночного социализма» обычно повторяют исходные доводы Ланге, слегка модифицируя некоторые детали. Мы изучим несколько подробнее позиции Дурбина, Диккинсона и Лернера. В частности, выясним, смог ли кто-либо из них понять суть сформулиро-

ванной Мизесом и Хайеком проблемы и выдвинуть ее теоретическое решение. В конце концов, мы увидим, что, предложения этих рыночных социалистов являются всего лишь воспроизведением, с небольшими отклонениями, «классической модели» Ланге, а их попытки решить экономическую проблему, связанную с социализмом, увенчались весьма жалким результатом.

Ивен Фрэнк Моттрэм Дурбин

В принципе на Дурбина можно было бы возлагать определенные надежды, поскольку он находился в контакте с теоретическими идеями австрийской школы и был в состоянии отличить австрийскую парадигму от неоклассической парадигмы Вальраса. Кроме того, находясь под большим влиянием идей Ф. А. Хайека, он написал трактат об экономической депрессии¹. Однако мы увидим, что, несмотря на здоровое «австрийское» влияние, Дурбин не смог понять суть поставленной Мизесом и Хайеком проблемы социализма, и, как и решение Ланге, его «решение» сформулировано в сугубо статических терминах.

Позиция Дурбина изложена в основном в статье под названием «Экономический расчет в плановой экономике» (“Economic Calculus in a Planned Economy”), опубликованной в декабре 1936 г.² Дурбин выражает «почти полную уверенность» в том, что проблема экономического расчета в социалистической экономике могла бы быть решена, если бы центральный плановый совет потребовал от производственных единиц соблюдения двух *правил*: во-первых, вычислять предельную производительность всех движимых факторов производства; во-вторых, размещать факторы производства таким образом, чтобы максимизировать их предельную производи-

¹ E. F. M. Durbin, *Purchasing Power and Trade Depression* (London: Chapman & Hall, 1933).

² Статья была опубликована в сборнике: *Problems of Economic Planning* (London: Routledge & Kegan Paul, 1968), 140—155. Интерес также представляет статья Дурбина “A Note on Mr. Lerner’s ‘Dynamical’ Propositions,” *Economic Journal*, no. 47 (September 1937): 577—581.

тельность. Компании при этом получают приказ производить максимальный объем продукции, совместимый с «нормальной» прибыльностью («правило средних издержек»). Чтобы минимизировать возможность ошибок при расчете предельной производительности, Дурбин считает необходимым вычисление соответствующих кривых спроса. Кроме того, он считает, что ставка процента должна устанавливаться «свободным» новым рынком капитала, хотя нигде не объясняет, как такой рынок будет функционировать внутри системы с запретом частной собственности на средства производства. Наконец, Дурбин считает, что экономика должна быть разделена на крупные сектора, «тресты» или монополии, которые получают указание «конкурировать» между собой.

Нет нужды повторять здесь аргументы, которые мы уже приводили в связи с идеей конкурирующих «трестов» (исходно выдвигавшейся Хейманом и Поланьи) и организации настоящего рынка капитала на базе монополистического государственного банка в отсутствие частной собственности на средства производства. Мы уже подробно проанализировали эти вопросы. В данный момент мы хотим подчеркнуть, что предложение Дурбина содержит ту же самую ошибку, которую до него совершал Ланге и другие: оно основано на предположении равновесия, при котором не происходит, никаких изменений а вся информация, необходимая для расчета предельной производительности факторов производства, дана и легко достижима.

Действительно, сформулированные Дурбином «правила» могли бы служить рациональным ориентиром для экономических расчетов при условии, что информацию, необходимую для расчета предельной производительности каждого фактора производства, возможно было бы получить в среде, где нет частной собственности на средства производства и неограниченной свободы предпринимательства. Следует помнить, что в ходе вычислений предельной производительности мы должны делать чисто предпринимательскую оценку следующих факторов: во-первых, спрос на какие товары и услуги, и в каких количествах, предъявят потребители в будущем; во-вторых, какие спецификации, характеристики, технологические инновации и т.п. должны быть учтены; в-третьих, каковы могут быть максимальные цены рынка на эти потребительские товары и услуги после того, как они будут произведены; в-четвертых, за сколько

в среднем будет производится каждое благо и какую ставку процента нужно использовать, чтобы определить текущую ценность будущих маргинально-производительных ценностей. Чисто логически, такая информация может генерироваться исключительно на конкурентном рынке его участниками — различными экономическими агентами, в процессе проявления ими предпринимательства без всякого институционального принуждения. Чтобы это происходило, должна существовать настоящая конкуренция, а не «конкуренция» между таинственными трестами и монополиями (непонятно, как они будут организованы: по вертикали или по горизонтали), на всех отраслевых и межотраслевых уровнях. Кроме того, необходимо, чтобы каждый человек имел возможность свободно использовать свою творческую способность к предпринимательству, чтобы в своем стремлении получить предпринимательскую прибыль и избежать убытка находить и порождать (практическую, субъективную, рассеянную и невербализованную) информацию, необходимую ему для того, чтобы действовать в максимальном соответствии со своими целями.

Следует также помнить, что в реальности тип и количество производственных факторов не являются данностью и что не всё можно разделить на однородные единицы; вместо этого, в зависимости от воображения, желаний и целей каждого отдельного предпринимателя, а также в зависимости от конкретной информации, которую он порождает в соответствии со специфическими обстоятельствами времени и места, представления о том, что составляет «движимый» фактор производства и значимую единицу этого фактора, будут меняться в каждом конкретном случае, то есть будут зависеть от субъективного восприятия конкретного предпринимателя. Презумция того, что будущие кривые спроса известны, или что их можно каким-то образом рассчитать, тоже демонстрирует полное непонимание Дурбином принципов функционирования реальных рыночных процессов.

На самом деле на конкурентном рынке нет предложения и спроса, так же как нет и любых других «кривых» и «функций». Ведь информации, необходимой для их вычисления или описания, не существует, и, следовательно, она в принципе недоступна (менеджеру компании или отрасли, тем более — исследователю или центральному плановому органу): не только потому что информация, нужная для расчета «кривой спро-

са», носит рассеянный характер, но и потому, что она даже не формируется в умах отдельных участников рынка. Иными словами, кривые спроса и предложения невозможно обнаружить на рынке по той простой причине, что их там нет. В лучшем случае они имеют эвристическую или интерпретативную ценность в пределах экономической теории; и любой человек — и вне зависимости от того, занимается он экономической наукой профессионально или нет — который незаметно для себя начинает думать о функциях и кривых так, как если бы они существовали на самом деле, совершает серьезную ошибку. Дело в том, что информация об объемах, которые будут куплены или проданы по каждой конкретной цене, не рассматривается экономическими агентами абстрактно и не хранится в памяти каждого человека на всякий случай. Напротив, такая информация носит сугубо субъективный и рассеянный характер; она возникает исключительно в тот конкретный момент, когда экономический агент принимает решение о покупке или продаже, как результат самого предпринимательского процесса, одновременно с многочисленными частными факторами и обстоятельствами, которые субъективно воспринимает участник конкретной транзакции. Следовательно, в этот момент такая информация создается *ex novo*; до этого ее не существовало и она никогда не будет воспроизводиться еще раз. Тем самым в реальной экономике предприниматели в лучшем случае пытаются оценить то, что можно рассматривать как отдельные изолированные точки на гипотетических «кривых» будущего спроса и предложения. Однако этот подход не является обязательным условием для создания теории цены, и мы не считаем его правильным, поскольку он может по умолчанию предполагать признание того, что такие кривые и функции существуют или могут возникнуть в будущем. Если предприниматель действует правильно, он получает чистую предпринимательскую прибыль; если заблуждается, то несет убытки. Именно стремление к достижению прибыли или избеганию убытков стимулирует тенденцию предпринимательства к тому, чтобы постоянно создавать и находить нужную информацию. Без этих стимулов свободное проявление предпринимательства невозможно и, соответственно, невозможно и создание необходимой для принятия координирующих решений и осуществления рациональных расчетов информации. Социально-экономическая жизнь во всех своих проявлениях,

включая цены, возникает из сочетания многочисленных человеческих действий, а не из пересечения таинственных «функций» и «кривых», не существующих в реальности, исподтишка протасненных в нашу науку ордами «специалистов», которые пришли из мира точных наук и прикладной математики и еще не успели осознать того пагубного влияния, которое использование их методов оказывает на экономику³.

³ Поэтому следует отказаться от «функциональной теории» ценообразования, которая со времен Маршалла утвердилась в учебниках по экономической теории. Карл Менгер предостерегал от этой теории еще в своем письме Леону Вальрасу в феврале 1884 г., в котором он сделал вывод о том, что «математический метод неверен». (См.: E. Antonelli, "Léon Walras et Carl Menger à travers leur correspondance," *Économie Appliquée* 6 [April-September 1953]: 282, а также комментарии в: Emil Kauder, "Intellectual and Political Roots of the Older Austrian School," *Zeitschrift für Nationalökonomie*, no. 17, pp. 411–425, переиздано в: Stephen Littlechild, *Austrian Economics* [Vermont: Edward Elgar, 1990], vol. 1, esp. 10–11.) Позже об опасности этой теории предупреждал Бём-Баверк, см.: Böhm-Bawerk, *Capital and Interest*, vol. 2, pp. 233–235, где он критикует механистическое понимание спроса и предложения как простых «количеств», зависящих от независимой переменной (цены), тогда как в реальной жизни спрос и предложение являются результатом реальных, конкретных человеческих решений и действий. Следовательно, функциональную, сциентистскую теорию цены должна сменить «генетико-каузальная» или, точнее, прагматическая теория цены, в которой цены являются итогом последовательности предпринимательских действий людей. Такая теория сохранит и усовершенствует то верное, что есть в функциональной модели, и в то же время предотвратит вытекающие из нее серьезные риски и ошибки. См.: Hans Mayer, "Der Erkenntnis wert der Funktionellen Preistheorien" in *Die Wirtschaftstheorie der Gegenwart* (Vienna: Springer, 1932), 2: 147–239b. См. также: Israel M. Kirzner, "Austrian School of Economics," in *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, vol. 1, p. 148. Идеи Мизеса по этому поводу см.: Mises, *Human Action*, 327–333 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 308–313]. Кроме того, см. цитату и наш комментарий к ней, приведенные в сноске 53 к главе 5. В Испании в качестве относительно недавнего примера вредной сциентистской методологии, основанной на «социальной инженерии» и использовании математических методов в сфере экономической теории, можно привести книгу социалиста Хосе Борреля Фонтельеса: José Borrell Fontelles, *La República de Taxonia* (Madrid: Ediciones Pirámide, 1992).

Итак, подобно Ланге и другим социалистическим теоретикам, Дурбин по умолчанию предполагает, что экономические субъекты имеют доступ к информации, выраженной в объективной форме, тогда как в отсутствие частной собственности на средства производства и свободного предпринимательства само создание такой информации теоретически невозможно. Без этих институтов информация не будет порождаться, отраслевые менеджеры не смогут объективно соблюдать правила Дурбина и, разумеется, центральный плановый орган не будет иметь возможности мониторинга и контроля того, правильно или нет функционируют отрасли с точки зрения этих правил. Поэтому Дурбин совершает главную из своих ошибок, когда прямо пишет: «Способность находить маржинальные продукты не зависит от конкретного набора социальных институтов»⁴. Кроме того, если Дурбин считает, что информация, необходимая для расчета предельной производительности, всегда доступна, вне зависимости от имеющихся общественных институтов (капиталистических, социалистических или какого-то их сочетания), то непонятно, почему он отвергает предложенный Ланге метод Вальраса, основанный на том же самом предположении, что необходимая информация доступна в объективной, однозначной форме. Далее, Дурбин полагает, что «технические» сложности расчета предельной производительности различных факторов одинаковы для капиталистической системы и для плановой экономики; он отказывается признавать, что проблема эта — экономическая, а не «техническая», и обсуждать любые ее «практические» аспекты, выходящие за пределы его собственных «теоретических» наблюдений⁵.

Таким образом, мы видим, что, подобно Ланге, Дурбин считает «теорией» исключительно маржиналистскую модель равновесия (хотя в его случае речь идет не об общем равновесии по Вальрасу, а о частичном равновесии по Маршаллу и о

⁴ E. F. M. Durbin, "Economic Calculus in a Planned Economy" in *Problems of Economic Planning*, 145.

⁵ «Расчет предельного продукта может быть очень сложен. Но технические сложности одинаковы и для капиталистической, и для плановой экономики. Те сложности, которые не относятся к бухгалтерии, не поддаются теоретическому разрешению» (E. F. M. Durbin, "Economic Calculus in a Planned Economy" in *Problems of Economic Planning*, 143).

теории предельной производительности), в которой предполагается, что информация, необходимая для расчета соответствующих предельных производительностей, «дана». Он не понимает, что его теория основана на столь жестких предположениях, что практически нерелевантна. Дурбин незнаком не только с формальной теорией социальных процессов, в основе которых лежит предпринимательство, но и с той ролью, которую исполняют конкретные социальные институты, поощряющие или ограничивающие предпринимательство, с экономическим анализом прав собственности и с той теоретической проблемой, которую в отсутствие предпринимательской конкуренции представляет рассеянный и субъективный характер информации. Неудивительно, что попытка Дурбина решить проблему экономического расчета при социализме была неудачной: он использовал теоретический инструментарий, непригодный ни для того, чтобы понять проблему в том виде, как ее первоначально сформулировал Мизес, ни для того, чтобы найти работающее решение этой проблемы. Итак, мы приходим к тому же заключению, которое сделал Хофф в своем блестящем критическом анализе позиции Дурбина⁶: «в своем стремлении не «догматизировать практические вопросы» он

⁶ После Второй мировой войны Дурбин (который трагически утонул в 1948 г. в Корнуолле, находясь в самом расцвете сил) вместе с Джеймсом Мидом, Хью Гейтскеллом и, в меньшей степени, Диккинсоном и Лернером участвовал в создании идеологии лейбористской партии (в основном через так называемое Фабианское общество); его дочь Элизабет проанализировала роль отца в этом в книге: *Elisabeth Durbin, New Jerusalem: The Labour Party and the Economics of Democratic Socialism* (London: Routledge and Kegan Paul, 1985). Большинство этих «идеологов» стали сторонниками модели, основанной на интервенционизме и кейнсианском макроэкономическом планировании в контексте социальной демократии. Элизабет Дурбин также написала об отце краткую статью, которая опубликована на с. 945 *The New Palgrave: A Dictionary of Economics, vol. 1*. См. также ее книгу *The Fabians, Mr. Keynes and the Economics of Democratic Socialism* (New York: Routledge and Kegan Paul, 1984). Между прочим, Элизабет Дурбин была членом экзаменационной комиссии (наряду с Израэлем Кирцнером, Фрицем Махлупом, Джеймсом Беккером и Джералдом О'Дрисколом), когда Дон Лавой защищал в Нью-Йоркском университете свою диссертацию, посвященную спору о возможности экономиче-

[Дурбин] упустил из виду суть проблемы, а именно то, каким образом будут получены данные, на которых социалистические тресты должны строить свои расчеты»⁷.

Книга Генри Дугласа Диккинсона «Экономическая теория социализма»

Казалось, что у Диккинсона были все основания для того, чтобы в книге, которую он опубликовал в 1939 г., наконец разобраться в исходных тезисах Мизеса и Хайека, осознать их смысл и попробовать на них ответить⁸. То, что в этой книге Диккинсон отказался от заявлений, которые он сделал в своей статье 1933 г. о ценообразовании в социалистической системе, и к тому же именно по той причине, на которую обратили его внимание его оппоненты из австрийской школы (то есть из-за того, что информация, необходимая для внедрения его математического решения, всегда будет недоступна), казалось, дает надежду на то, что Диккинсон сможет осознать все выводы, следующие из его «прозрения»⁹. К тому же Диккинсон был очень симпатичным и талантливым человеком. Коллард пишет, что «его любили все; это был человек не от мира сего, чудака с изумительным чувством юмора и необычайно острым умом»¹⁰; Хайек в статье 1940 г. хвалит работу Диккинсона не только за ее полноту, но и за четкую структуру, краткость и ясность, и прибавляет, что читать ее и обсуждать

ского расчета при социализме, которая легла в основу его блестящей книги *Rivalry and Central Planning*.

⁷ T. J. V. Hoff, *Economic Calculation in the Socialist Society*, 224—229, особенно, начиная с заголовка на с. 227.

⁸ H. D. Dickinson, *The Economics of Socialism* (London: Oxford University Press, 1939).

⁹ Dickinson, *The Economics of Socialism*, 104, — на этой странице Диккинсон пишет, что предложенное им в 1933 г. математическое решение неосуществимо: не потому, что невозможно решить соответствующую систему уравнений, а потому, что «сами данные, которые должны вводиться в ЭВМ для решения уравнений, постоянно меняются».

¹⁰ См. статью Колларда о Диккинсоне в: *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, vol. 1, p. 836.

ее содержание было истинным удовольствием для ума¹¹. Наконец, искренность и научная честность Диккинсона ярко проявились в той чрезвычайно благоприятной рецензии, которую он в 1940 г. написал на исходную норвежскую версию книги Трюгве Хоффа¹². Однако, к сожалению, можно отметить, что многие предложения Диккинсона полностью совпадают с ранее высказанными предложениями Ланге, которого Диккинсон прямо упоминает в библиографии. По этой причине значительная часть нашей критики по адресу Ланге распространяется и на Диккинсона.

Как пронизательно отметил Дон Лавой¹³, несмотря ни на что, в основном Диккинсон сохраняет в этой книге приверженность статике, и поэтому он по-прежнему не в состоянии решить проблему экономического расчета в том виде, как ее сформулировали Мизес и Хайек. Это особенно ясно видно по тому, что Диккинсон пишет о роли, которую неопределенность и предпринимательская функция должны будут играть в социалистической системе. Он считает одним из преимуществ социалистической системы то, что в ней сократится неопределенность, свойственная капитализму, где она возникает в

¹¹ F. A. Hayek, "Socialist Calculation III: The Competitive Solution," in *Individualism and Economic Order*, 185 [Хайек. Экономический расчет при социализме III: конкурентное решение // Хайек. Индивидуализм и экономический порядок. С. 180].

¹² В этой рецензии, опубликованной в *Economic Journal* (no. 50 (June/September 1940): 270—274), речь шла об опубликованной по-норвежски книге Хоффа *Okonomisk Kalkulasjon i Socialistiske Samfund* (Oslo: H. Ashekovg: 1938). (Позже она была переведена на английский М. Майклом и опубликована под названием *Economic Calculation in the Socialist Society*, London, William Hodge, 1949.) Диккинсон завершает свою рецензию следующим образом: «Автор дает критический обзор практически всей литературы, написанной на эту тему по-немецки и по-английски, сделав его на очень высоком теоретическом уровне».

¹³ Don Lavoie, *Rivalry and Central Planning*, 135—139. Между прочим, статической концепции экономической теории, ведущей к неспособности понять характер и значение неопределенности в рыночной экономике, приверженцем которой был Диккинсон, сегодня с тем же результатом придерживаются такие влиятельные авторы, как, например, Кеннет Эрроу, который, как мы увидим в сноске 55, считает неопределенность очевидным «провалом» рынка и рыночной системы цен.

результате взаимодействия многочисленных единиц, самостоятельно принимающих решения. Это предполагаемое «уменьшение» неопределенности будет достигнуто за счет вмешательства центрального планового органа, который, сознательно навязав в приказном порядке определенные явным образом пропорции производства, неизбежно уменьшит характерный для рынка высокий уровень неопределенности. Здесь Диккинсон снова ссылается на открытость, которая будет существовать в социалистической системе, в отличие от типичного поведения компаний в капиталистической системе, которая, по его мнению, характеризуется чрезмерной «секретностью» и отсутствием «информационной прозрачности».

По этим заявлениям Диккинсона понятно, что он по умолчанию считает, будто бы центральное бюро планирования способно получить доступ к информации, которая позволяет сверху обеспечивать координацию в обществе, и тем самым уменьшить уровень неопределенности и количество ошибок, которые в норме совершают предприниматели. Однако Диккинсон нигде не объясняет, как это станет возможным, особенно в свете того, что информация, в которой нуждается плановый орган для того, чтобы уменьшить неопределенность, порождается не наверху, а «внизу», то есть на уровне самих экономических субъектов. Нам также известно, что эта информация носит субъективный, практический, рассеянный и невербализованный характер, и поэтому ее в принципе невозможно передать центральному плановому органу и даже нельзя создать в отсутствие полной свободы предпринимательства. Кроме того, когда Диккинсон призывает к полной «информационной прозрачности» и обнародованию всех «коммерческих секретов», которые хранятся в тайне в капиталистической системе, он неявно подразумевает, что информация носит объективный характер и что, как только все данные и «секреты» различных экономических субъектов распространятся по всей социальной сети, уровень неопределенности резко упадет. Однако следует учитывать, что любой экономический субъект в состоянии просто завалить конкурентов или коллег полной информацией о своих планах, и при этом уровень неопределенности необязательно снизится. Причина в том, что других можно завалить только той информацией, которую можно вербализовать или передать в формализованном виде. Кроме того, данные необходимо будет интерпретировать; любая интерпретация субъективна; в

бесчисленном количестве случаев экономические субъекты и их конкуренты будут субъективно интерпретировать данные по-разному и, следовательно, данные будут иметь иное субъективное значение по сравнению с тем, которое они имели для первоначально «опубликовавшего» их предпринимателя. Возможно ограничить число интерпретаций при условии, что предприниматель не просто передает информацию, но и сообщает о том, как, с его субъективной точки зрения, события будут развиваться в будущем и какой план действий он считает оптимальным. В таком случае то, что экономические агенты решают принять на веру «догадки» источника информации, означает, что они просто отказываются от возможности самим интерпретировать данные, то есть лично проявлять предпринимательство, и подчиняются предпринимательскому лидерству других. В социалистической системе неопределенность можно устранить только с помощью «метода страуса»; это значит, что люди должны, подобно страусу, засунуть головы в песок, отказываясь признавать существование неопределенности и то, что она представляет собой не «проблему» (неопределенность является проблемой только в нелепых интеллектуальных конструкциях замороженных теоретиков равновесия), а свойство социальной жизни, имманентно присущее человеческой природе, свойство, с которым человек непрерывно сталкивается в процессе предпринимательства.

Другим свидетельством того, что модель Диккинсона в сущности остается статичной, является то, как он пытается поступить с той неопределенностью, которую централизованное планирование не может устранить. Диккинсон предлагает установить надбавку за неопределенность, которая должны быть одним из элементов совокупных производственных издержек, наряду с другими «типичными» компонентами издержек. Хотя Диккинсон признает, что надбавку за неопределенность будет сложно рассчитать, он считает, что это можно сделать, если исходить из частоты колебаний продаж и цен для каждого отдельно взятого блага (услуги). Предложение Диккинсона свидетельствует о том, что он не понимает принципиальной разницы между риском и неопределенностью, о которой мы говорили в главе 2¹⁴. Неопределенность

¹⁴ См. в главе 2 раздел под заголовком «Творчество, внезапность и неопределенность» и сноски 11 и 12.

связана с уникальными событиями, применительно к которым нельзя говорить о возможном распределении вероятности. Информация, которую экономические субъекты создают и испытывают в соответствии с тем, как они представляют себе будущее, является типично предпринимательской, невербализованной, творческой, приспособленной к возможным изменениям, и, следовательно, ее в принципе невозможно централизованно собрать и использовать для расчета вероятностного распределения.

Подход Диккинсона к роли «предпринимательства» в социалистической системе еще менее удовлетворителен, если так можно выразиться. В модели Диккинсона имеется, по сути дела, двусмысленная и грубая карикатура на предпринимательство. Частная собственность на средства производства запрещена и центральный плановый орган обладает широкими полномочиями в сфере установления ориентиров для координации индивидуальных планов и в том, что касается распределения соответствующих финансовых ресурсов, вмешательства в функционирование рынка труда, монополизации рекламы и пропаганды, контроля и управления внешней торговлей и т.п. Кроме того, Диккинсон считает этот орган принуждения, который он называет «Высшим Экономическим Советом», не только «вездесущим и всеведущим», но еще и «всемогущим» с точки зрения его возможности вносить изменения во всех тех случаях, когда его члены ощущают необходимость в них¹⁵. Однако, то, что в социалистической системы менеджеры предприятий подчиняются плановому органу, не

¹⁵ См.: Dickinson, *The Economics of Socialism*, 103, 113, 191. По поводу этих эпитетов (всеведущий и вездесущий) Мизес иронически замечает: «Бесполезно тешить себя надеждой, что органы коллективной экономики будут “вездесущи” и “всеведущи”. В рамках прагматики мы имеем дело с действиями не вездесущего и всеведущего божества, а людей, наделенных лишь человеческим разумом. Этот разум не может планировать без экономического расчета» (Ludwig von Mises, *Human Action*, 710 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 664]). Чуть выше, на с. 696 [русск. изд: с. 653], он пишет: «Можно признать, что руководитель или совет руководителей — это люди выдающихся способностей, мудрые и преисполненные благих намерений. Но ничем, кроме как идиотизмом, нельзя назвать предположение о том, что они всеведущи и непогрешимы».

означает, по Диккинсону, что у них нет возможности в некоторых случаях свободно делать выбор¹⁶. Действительно, он считает, что при социалистической системе каждая компания должна иметь собственный капитал, собственные прибыли и убытки и «управляться» таким образом, который должен быть как можно ближе к тому, как управляются компании в капиталистической системе.

Диккинсон хорошо понимает, что менеджеры должны отвечать за финансовые результаты своих компаний и иметь долю в прибылях и убытках. Однако он не объясняет, как можно достичь финансовой ответственности в системе, где частная собственность на средства производства насильственно запрещена. Как мы узнали в главе 2, если не существует частной собственности на средства производства и человек не может свободно распоряжаться плодами своей деятельности, то предпринимательства, координирующего социальные процессы, не возникает. Кроме того, Диккинсон утверждает, что, хотя прибыль не обязательно является признаком предпринимательского успеха, убыток всегда является признаком управленческой неудачи или ошибки¹⁷. Чисто логически, если возвести эту «догадку» Диккинсона в ранг принципа, то в норме менеджерами будут консервативные чиновники, которые будут бояться предпринимать что-либо новое, внедрять технические и коммерческие нововведения, вносить изменения в процессы производства и т. п., потому что убыток всегда будет рассматриваться как ошибка, негативно влияющая на карьеру чиновника, а прибыль может не считаться успехом.

Диккинсон пытается решить проблему мотивации и вознаграждения менеджеров с помощью системы «бонусов», или финансовых выплат, привязанных к итогам производственной деятельности компании, которой руководит данный чиновник. Конечно, эти бонусы не будут идентичны предпринимательской прибыли, не только потому, что на практике это будет

¹⁶ «Из того, что выбор менеджеров социалистической индустрии частично будет направляться директивами плановых органов, не следует, что у них вообще не будет выбора» (Dickinson, *The Economics of Socialism*, 217).

¹⁷ По Диккинсону, основной принцип будет состоять в том, что, «хотя прибыль не обязательно является признаком успеха, убыток является признаком неудачи» (Dickinson, *The Economics of Socialism*, 219).

означать возврат к ненавистному капитализму, но и потому, что, как мы только что упомянули, Диккинсон считает, что прибыль не всегда является признаком эффективности. Это предложение Диккинсона снова загоняет его в ловушку статической модели. Действительно, как нам уже известно¹⁸, система бонусов по умолчанию исходит из того, что у органа, ответственного за распределение бонусов, есть доступ к той информации, которая, в силу своего субъективного, рассеянного и невербализованного характера, в принципе не может быть ему доступна. Распределение бонусов по итогам деятельности подразумевает, что можно узнать, позитивны или негативны эти итоги. А если плановый орган может узнать, какие итоги деятельности успешны, а какие — нет, то из этого следует, что предпринимательский процесс для порождения такой информации не нужен. Однако, если нужно разрешить свободное предпринимательство, чтобы такая информация возникла, нет смысла создавать систему бонусов, поскольку до тех пор, пока такой информации нет, никто знает, увенчается предпринимательство успехом или нет. В этом состоит главный довод Кирцнера, направленный против различных попыток (на данный момент все они завершились неудачей) социалистических стран создать системы стимулирования¹⁹.

¹⁸ См. все критические доводы против системы бонусов и стимулов, приведенные в главе 6 (критический анализ классической модели Ланге, пункт 7).

¹⁹ Кирцнер пишет (см. также сноску 70 в главе 6): «Стимулирование социалистических менеджеров представляет собой отрицание принципиальной роли предпринимательского открытия» (см.: Kirzner, *Discovery and the Capitalist Process*, 34—37). Дон Лавой, в свою очередь, резюмирует доводы австрийской школы против социалистической системы бонусов и стимулов следующим образом: «Это подразумевает, что планирующий орган, рассматривающий отчеты компаний о прибылях и убытках, должен быть в состоянии отличать настоящую прибыль от монопольной прибыли в обычном значении этого термина. Однако, здесь мы имеем дело с уклонением от рассматриваемого вопроса, потому что у планирующего органа не будет знания, которое генерируют децентрализованные инициативы, а также осознания того, что это знание выражается исключительно в отчетах о прибылях и убытках. *Не существует такой информации более высокого порядка, с которой можно было бы сравнивать данные о прибылях и убытках, так, чтобы в соответствии с полученным резуль-*

Предпринимательский успех можно оценить лишь субъективно, с точки зрения самого предпринимателя. Действующий субъект измеряет его в общем контексте и включает в рассмотрение не только финансовую прибыль, но и все остальные обстоятельства, которые он субъективно оценивает как прибыль. Кроме того, эта прибыль возникает непрерывно, ее величина и характер меняются, и она постоянно руководит действиями предпринимателя, предоставляя ему информацию о том, какое направление ему следует избрать. В отличие от этого, система бонусов в лучшем случае может принести пользу на управленческом, но не на предпринимательском уровне. Бонусы распределяются *a posteriori* на основании объективной информации, в соответствии с подготовленным и утвержденным заранее планом, выраженным в однозначной форме. Бонусы не служат руководством к действию, поскольку они присуждаются по итогам деятельности на основании ригидных и объективных критериев. И, что самое главное, предоставление бонусов подразумевает интерпретацию событий, то есть суждения, которые имеют смысл только в контексте предпринимательской деятельности, а не тогда, когда они являются приказами центрального планового органа (у которого нет информации для того, чтобы распределять бонусы иначе, кроме как по собственному производству) или были установлены заранее и зависят от конкретных, более или менее измеримых критериев.

Итак, Диккинсон не может понять того, что у термина «стимул» есть два резко различающихся смысла. Можно представить себе четкий, узкий и не имеющий практического значения смысл термина «стимул», относящийся к устройству механизма, мотивирующего экономических агентов правильно (в соответствии с установленным заранее «правилом») пользоваться *уже находящейся в их распоряжении объективной информацией*. В этой книге мы пользовались термином «стимул» не в этом значении, а в гораздо более широком и одновременно — более точном и более существенном с точки зрения экономической теории: по нашему мнению, к *стимулам* относятся все цели, которые в принципе можно вообразить и создать *ex novo*; стимулы не просто приво-

татом изменять вознаграждение менеджеров» (Don Lavoie, Rivalry and Central Planning, 138–139).

дят к тому, что люди передают ту объективную информацию, которая у них уже есть, но, что гораздо важнее, они побуждают людей *непрерывно создавать и обнаруживать субъективную информацию, которой у них еще нет*, но которая необходима для достижения поставленных целей. Хотя в социалистической системе можно с грехом пополам попытаться создать «стимулы» в узком смысле этого слова, в ней каждому человеку систематически и насильственно препятствуют свободно распоряжаться всеми плодами его собственной предпринимательской деятельности, и в силу этого в ней, по определению невозможно создать стимулы в подлинном, широком значении этого слова.

Диккинсон, вдобавок, рекомендует ввести бонусы или стимулы, направленные на поощрение технологических экспериментов и инноваций, как будто центральный плановый орган может обладать информацией (и в количественном, и в качественном отношении), необходимой для того, чтобы его члены могли определить, какие проекты достойны финансирования, а какие — нет, какие результаты экспериментов свидетельствуют об успехе, а какие — о провале. Однако, как пишет Дон Лавой: «Идея использования конкретных стимулов в качестве сознательного инструмента планирования противоречит идее эксперимента как действительно децентрализованной процедуры, приводящей к открытиям. Если у центрального планового совета нет знаний, необходимых, чтобы отличить смелую инициативу от безрассудного риска, то он не может распределять стимулы среди менеджеров так, чтобы поощрять первое и противодействовать второму»²⁰. Именно с этой проблемой неизбежно сталкиваются те западные правительства, которые стремятся стимулировать научные исследования, искусство и культуру с помощью субсидий и других государственных «поощрений». Во всех таких случаях кончается тем, что правительственные учреждения начинают распределять бонусы и субсидии чисто произвольным образом, что полностью соответствует предсказаниям школы общественного выбора. В отсутствие иных критериев более высокого порядка государственные агентства распределяют стимулы в зависимости от связей, политического влияния и т.п., и им совершенно не

²⁰ Don Lavoie, *Rivalry and Central Planning*, 139.

удается стимулировать ценные технологические изобретения или подлинное культурное развитие.

Подход Диккинсона к предпринимательству явно и неявно предполагает доступность полной информации, статичность общества и отсутствие изменений. Благодаря этим предпосылкам все экономические проблемы превращаются в технические вопросы, которые могут решить обычные управленцы. В нашей книге мы резко критиковали такие утверждения; они демонстрируют неспособность Диккинсона взглянуть в глаза проблеме экономического расчета в социалистических экономиках. Как пишет Мизес, «капиталистическая система является не управленческой, а предпринимательской системой»²¹, а Диккинсон относится к числу тех, кто смешивает управленческую функцию с предпринимательской и, следовательно, неизбежно закрывает глаза на фундаментальную экономическую проблему.

Наконец, любопытно отметить наивную веру Диккинсона в то, что его система впервые в истории человечества сможет обеспечить подлинный «индивидуализм» и «свободу», иными словами, его своеобразный «либертарианский социализм», обладающий большой интеллектуальной привлекательностью²². Однако, с учетом огромной власти, которую центральный плановый совет будет иметь в модели Диккинсона, в сочетании с присущим ему произволом, пропагандистским манипулированием и неспособностью к осуществлению экономического расчета, его социализм был бы, по меньшей мере крайне авторитарной системой, в которой личная свобода была бы ужасно ограничена и не было бы никаких

²¹ Ludwig von Mises, *Human Action*, 708 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 663]. На с. 709 [русск. изд: с. 663— 664] Мизес добавляет: «В спекуляции и инвестиции *играть* невозможно. Спекулянты и инвесторы ставят на карту собственное богатство и судьбу. ...Если их освободить от этой ответственности, то это изменит саму их природу. Они больше не будут являться бизнесменами, а будут всего лишь группой людей, которым руководитель поручил свою основную задачу, верховное руководство ведением дел. Тогда они, а не номинальный руководитель, становятся истинными руководителями и должны решать ту же проблему, которую не смог решить номинальный руководитель: проблему расчета».

²² Dickinson, *The Economics of Socialism*, 26.

шансов на функционирование по-настоящему демократической системы. Действительно, даже сам Диккинсон признает (и это его точные слова), что «в социалистическом обществе искусственное различие между экономикой и политикой будет стерто; экономический и политический аппарат общества сольются воедино»²³. Как показал Хайек²⁴, эта формулировка Диккинсона прекрасно описывает одну из доктрин, которая вызывает огромный энтузиазм у нацистов и фашистов. Если мы не можем отличить политику от экономики, возникает необходимость навязать одну-единственную господствующую шкалу ценностей всем действующим субъектам и всем членам общества, и, в полном согласии с логикой, этого можно достичь исключительно с помощью масштабного применения силы и принуждения. На самом деле слово «политика» всегда отсылает к систематическому институционализированному принуждению, насилию и приказам (то есть к *социализму* в нашем понимании), в то время как «экономика» всегда отсылает к добровольным контрактам, свободному предпринимательству и мирному стремлению всех людей к разнообразным целям в правовом контексте обмена и сотрудничества. Чудо жизни в капиталистическом обществе, движимом силой предпринимательства, состоит в том, что в нем каждый человек и каждый экономический агент научается добровольно ограничивать и приспособлять свое поведение к нуждам и желаниям других, все это — в среде, где каждый человек стремится к разнообразным, многочисленным и непредсказуемым целям. Очевидно, Диккинсон никогда не стремился это понять или оказался на это неспособен.

Участие в споре Аббы Лернера

Участие Лернера в споре не выразилось в виде прямой реакции на книги и статьи Мизеса и Хайека; его идеи были изложены в серии статей, опубликованных им в 1930-е годы, где

²³ Ibid., 235.

²⁴ См.: F. A. Hayek, "Socialist Calculation III: The Competitive Solution," in *Individualism and Economic Order*, 206—207 [Хайек. Экономический расчет при социализме III: конкурентное решение // Хайек. Индивидуализм и экономический порядок. С. 199].

он обсуждал и критиковал предложения других социалистических теоретиков, участвовавших в споре, в частности, Ланге, Дурбина, Диккинсона и Добба²⁵. Кроме того, позже Лернер высказал некоторые замечания, имеющие отношение к нашей теме, в книге *The Economics of Control*, опубликованной в 1944 г.²⁶

В своих статьях Лернер пытается разобраться не только в статических, но и в «динамических» проблемах социалистической экономики. Кроме того, в книге *The Economics of Control*, он прямо упоминает²⁷, что для тотального планирования потребовалась бы централизованная информация о том, что происходит на каждой фабрике, о ежедневных колебаниях спроса и предложениях, а также об изменениях технических знаний во всех производственных отраслях. Лернер также объясняет, что, поскольку невозможно себе представить, чтобы центральный плановый орган получил доступ к этому знанию, единственная возможность, которая остается, — это опираться на «механизм» цен. Однако, несмотря на эти замечания, идеи Лернера, так же как и других рыночных социалистов, все равно явно и неявно основаны на предпосылке, что вся информация, необходимая для реализации его предложения, непременно будет доступна, и, таким образом, Лернеру не удастся ни возразить Мизесу и Хайеку, ни решить проблему экономического расчета при социализме. Кроме того, можно отметить, что Лернер был крайне радикальным защитником модели равновесия в качестве «теоретического» основания для социализма, упорно игнорировавшим и отрицавшим необходимость изучения действительно интересных проблем,

²⁵ С точки зрения спора об экономическом расчете при социализме существенны следующие статьи Лернера: “Economic Theory and Socialist Economy,” *Review of Economic Studies*, no. 2 (October 1934): 51–61; “A Rejoinder,” *Review of Economic Studies*, no. 2 (February 1935): 152–154; “A Note on Socialist Economics,” *Review of Economic Studies*, no. 4 (October 1936): 72–76; “Statics and Dynamics in Socialist Economics,” *Economic Journal*, no. 47 (June 1937): 253–270; наконец, “Theory and Practice of Socialist Economics,” *Review of Economic Studies*, no. 6 (October 1938): 71–75.

²⁶ Abba P. Lerner, *The Economics of Control: Principles of Welfare Economics* (New York: Macmillan, 1944).

²⁷ A. P. Lerner, *The Economics of Control*, 119.

связанных с предпринимательством. Рассмотрим три конкретных примера, которые очень наглядно иллюстрируют специфику взглядов Лернера.

Во-первых, нужно упомянуть о критическом анализе, которому Лернер подверг правила издержек, сформулированные до него рыночными социалистами вообще и Тейлором, Ланге и Дурбином, в частности. Действительно, Лернер критикует Тейлора за использование принципа приравнивания цен к средним совокупным издержкам. Он также критикует Ланге за то, что его правила направлены в основном на имитацию «механизма» рынка, а не на достижение конечного состояния, к которому стремится рынок; и особенно он критикует Дурбина за то, что применение его правил означало бы на практике возврат к установлению цен на уровне средних издержек, поскольку в модели Дурбина от менеджеров требуют производить максимальное количество продукции, которое совместимо с «нормальным» уровнем прибыли²⁸.

По мнению Лернера, важно не столько найти работающее на практике правило, сколько стремиться непосредственно к достижению конечной цели социалистической системы, что возможно лишь при условии, что ни один фактор или ресурс не используется для производства какого-либо блага или услуги, если он может быть использован для производства какого-либо блага и услуги, которые оцениваются выше. Единственный способ добиться этого — это заставить менеджеров уравнивать цены с предельными издержками ($MC=P$); хотя этот принцип и соответствует второму правилу Ланге, Лернер считает, что следует придерживаться исключительно его, не увлекаясь, подобно

²⁸ Tibor Scitovsky, "Lerner's Contribution to Economics," *Journal of Economic Literature* 22, no. 4 (December 1984): 1547–1571, esp. p. 1552. Подготовленный Ситовски обзор спора об экономическом расчете при социализме и вклада в него Лернера демонстрирует не только полное непонимание Ситовски сути спора, но и то, что он опирался исключительно на те вторичные источники, которые описывают события не так, как они происходили на самом деле. То, что отдельные влиятельные экономисты продолжают писать так и сегодня, вызывает глубокое разочарование. О Лернере см. в представляющем большой интерес введении Кэрен Вон к книге Т. J. В. Hoff, *Economic Calculation in the Socialist Economy*, pp. 24–26, а также главу 12 этой книги, pp. 224–236.

Ланге, имитацией функционирования конкурентного рынка. Согласно Лернеру, не имеет смысла настаивать, как это делает Дурбин, на том, чтобы менеджеры сохраняли «нормальный» уровень прибыли, потому что такая прибыль является не более чем признаком статического равновесия, а то, в чем действительно нуждается социалистическая система, — это ориентиры для размещения производственных ресурсов в «динамическом» мире. Таким образом, мы видим, что так называемый «динамический анализ» Лернера ограничивается попыткой найти правило, которое, с его точки зрения, можно было бы применить во всех обстоятельствах, возникающих в повседневном функционировании социалистической экономики. Как это ни странно, предложенное Лернером решение не менее статично, чем решения Дурбина, Ланге и Диккинсона; соответственно, мы могли бы повторить здесь все критические возражения против правила приравнивания цен предельным издержкам, подробно сформулированные выше. На этом этапе достаточно повторить, что предельные издержки не являются «объективными» в том смысле, что они не даны и что их не может однозначно оценить третья сторона. Наоборот, они представляют собой типичный пример предпринимательской информации, то есть информации, постепенно порождаемой субъективным, рассеянным, неявным, практическим и невербализованным образом в умах тех, кто свободно осуществляет свою человеческую деятельность или предпринимательство, и, соответственно, неверно предполагать, будто информацию об издержках создают или находят менеджеры, которые, в силу запрета частной собственности на средства производства, не могут свободно проявлять предпринимательство. Еще более нелепо предположение, что такую информацию можно передать центральному плановому органу и что этот орган способен каким-то образом контролировать соблюдение отраслевыми менеджерами правила ($MC=P$).

Во-вторых, любопытно, что Лернер и сам понимает, что цены, которые следует учитывать, применяя его правило ($MC=P$) — это не «текущие» цены (которые уже возникли на рынке, пусть и совсем недавно), а будущие цены, какими их видят экономические субъекты («ожидаемые в будущем цены») ²⁹. Следовательно, фундаментальное правило Лернера

²⁹ Abba P. Lerner, “Statics and Dynamics in Socialist Economics,” 253, 269, 270.

следует использовать таким образом, чтобы каждый менеджер приравнивал цены к предельным издержкам в соответствии с собственными *ожиданиями*. Однако таким ожиданиям не только неоткуда возникнуть, если менеджеры не могут свободно проявлять предпринимательство (из-за отсутствия частной собственности на средства производства) — теоретически невозможно и то, чтобы инспектор-бюрократ или член центрального бюро планирования мог объективно контролировать соблюдение этого правила (того, правильно ли менеджер ведет себя «в соответствии со своими собственными ожиданиями»). Итак, интуиция в принципе не обманывает Лернера, однако, он не понимает, что то верное, что есть в его позиции, разрушает всю его модель и сводит ее к полному абсурду.

В-третьих, Лернер рассматривает вопрос о том, в состоянии ли центральный плановый орган оценить будущие предельные издержки точнее, чем действующие в конкурентном обществе предприниматели, как «социологический», или «практический», вопрос, не относящийся к сфере «экономической теории»³⁰. Кроме того, Лернер прямо критикует попытку Дурбина проанализировать практическое влияние социализма на стимулы и поведение менеджеров в социалистической системе³¹. Очевидно, что Лернер и есть тот самый исследователь, который отвечает на неверный вопрос и пользуется неподходящим аналитическим инструментарием и «теоретическим» багажом, чтобы справиться с проблемой невозможности рационального экономического расчета при социализме, поставленной Хайеком и Мизесом. Действительно, прячась за гипотетической системой, где от экономических субъектов требуют, чтобы они действовали определенным образом, игнорируя то, в состоянии ли они действовать таким образом с учетом собственной мотивации и той информации, кото-

³⁰ Лернер пишет: «Тогда встает социологический вопрос о том, в состоянии ли социалистический трест оценить эту будущую ценность точнее, чем собственник арендованного инструмента в условиях конкуренции, и здесь мы выходим из сферы экономической теории» (Lerner, *Statics and Dynamics in Socialist Economics*, 269).

³¹ Лернер в шутку сравнил Дурбина со «школьником, который написал в экзаменационном сочинении: “Я не знаю про социальные последствия Французской революции, но знаю всех английских королей”» (Lerner, “A Rejoinder,” 1938, p. 75).

рую они могут создать, Лернер сознательно уходит от теоретических проблем, имеющих отношение к делу, и находит убежище в стерильной нирване общего равновесия и экономики благосостояния.

Одержимость Лернера равновесием и статикой особенно ярко проявляется в том, как он критикует Оскара Ланге за то, что Ланге зачем-то стремится воспроизвести и симитировать механизмы конкуренции, в то время, как, по мнению Лернера, по-настоящему важная задача — это сформулировать условия, необходимые, чтобы дать определение «социалистического идеала» в контексте «экономики благосостояния», вне зависимости от метода, который используется для достижения этого идеала. Цель уже даже не в том, чтобы создать модель «совершенной» конкуренции (несмотря на то, что такая модель «конкуренции» не имеет ничего общего с конкуренцией между предпринимателями в реальности), а в том, чтобы дать максимально четкое определение нирваны (или «рая»), описанного «экономикой благосостояния», в то время, как создание практических систем, в наибольшей степени подходящих для того, чтобы достичь этого «рая», отдается на усмотрение социологии, психологии и политики³². Итак, Лернер настаивает на том, что важно не имитировать систему «совершенной конкуренции в условиях равновесия» с помощью метода проб и ошибок или какого-нибудь другого метода, а попытаться достичь социального оптимума непосредственно, приказав менеджерам установить цены на уровне предельных издержек.

³² На с. 74 статьи 1936 г. «Заметка по поводу экономической теории социализма» (“A Note on Socialist Economics”) Лернер пишет: «В методологическом отношении меня не устраивает то, что д-р Ланге рассматривает состояние конкурентного равновесия как *цель* своих усилий, в то время, как на самом деле это только *средство* достижения истинной цели. Ему не удастся пойти дальше этапа совершенного конкурентного равновесия и направить свои усилия на то, что действительно является желанным. Даже если верно, что в случае возникновения и стабильного существования классического, статического и совершенно конкретного равновесия будет достигнут социальный оптимум, являющийся истинной целью, из этого не следует, что стремление к этому равновесию позволяет подойти максимально близко к желаемому социальному оптимуму».

Из всех теоретиков, чьи взгляды мы анализировали до сих пор, Лернер, вероятно, был больше всех заигнорирован неоклассической моделью общего равновесия и экономической теории благосостояния — до такой степени, что считал любой анализ, не включавший формального изложения экономики благосостояния, ее постулатов и следствий из нее, выходящим за пределы «теории». Этим объясняется настойчивость его единственной рекомендации — обязать менеджеров компаний следовать догмам экономики благосостояния; именно с этой целью он написал в 1944 г. книгу «Экономическая теория регулирования» (*Economics of Control*) — практическое руководство по интервенционизму [государственному вмешательству в экономику. — *Ред.*], поваренную книгу неоклассического равновесия и экономики благосостояния, предназначенную для непосредственного использования чиновниками из центрального органа вмешательства или планирования в процессе социальной инженерии, чтобы облегчить их «тяжелый труд» по организации систематического принуждения в сфере экономики против остальных граждан³³.

³³ Статический характер анализа Лернера, вытекающий из его предположения о том, что орган вмешательства или планирования имеет доступ ко всей нужной ему информации, проявляется и в созданной им теории «производительного спекулянта», выполняющего полезную функцию, которого следует сохранить в «контролируемой» экономике, в отличие от «монополистического или агрессивного спекулянта», чью функцию следует нейтрализовать с помощью механизма, который Лернер именует «контрспекуляцией» (Lerner, *Economics of Control*, 69, 70). О чем Лернер не упоминает, так это о том, что, поскольку различие, которое он намерен установить, целиком и полностью основано на субъективных мотивах для спекуляции, то возможности объективно разграничить два типа спекуляции в принципе не существует, поскольку не существует цели — однозначного критерия, позволяющего нам выделять и интерпретировать субъективные мотивы людей. Как показывает Мюррей Ротбард в своем анализе монополии в *Man, Economy and State* (Los Angeles: Nash Publishing, 1972), vol. 2, chap. 10, pp. 586—620, различие «конкурентных» и «монопольных» цен с теоретической точки зрения абсурдно. «Монопольные» цены определяются через «конкурентные», а цены равновесия, которые гипотетически установились бы на рынке с «совершенной конкуренцией», не встречаются в реальности, и поэтому нет объективных теоретических критериев, позволяющих устано-

Лернер не понимает, что, рассуждая таким образом, он загоняет себя в собственноручно построенную ловушку. Действительно, в своей великолепной башне из слоновой кости экономики благосостояния, где царит совершенная стагнация, он изолирован от реальных экономических проблем, встающих при социализме, и совершенно «защищен» (по крайней мере, ему так кажется) от теоретических возражений, сформулированных Мизесом и Хайеком. Однако вид из башни не очень хороший, и окна в ней матовые. У Лернера нет аналитических инструментов, позволяющих ему не то что решить, а даже заметить фундаментальные экономические проблемы. Его изоляция, достигнутая с помощью экономики благосостояния, носит настолько тотальный характер, что он рассматривает отличия реального мира от равновесной модели «совершенной конкуренции» как «пороки» и «провалы» капиталистической системы (которые социализм, по крайней мере потенциально, способен исправить насильственным путем), а не как пороки аналитического инструментария этой модели. Иными словами, если мир ведет себя не так, как предсказывает теория нирваны, следует разрушить мир и построить нирвану, но разумеется, не пытаться изменить теорию таким образом, чтобы понять и объяснить, как работает реальный мир и что в нем происходит³⁴. Таким образом, критика Коваликом Ооска-

вить, существует ли монополия. Кроме того, как отметил Кирцнер (Kirzner, *Competition and Entrepreneurship*, chap. 3, pp. 88—134 [Кирцнер. Конкуренция и предпринимательство. Гл. 3.]), проблема противопоставления «конкуренции» и «монополии», где оба термина понимаются статически как состояния или модели равновесия, одновременно несущественна и абсурдна; что действительно важно с теоретической точки зрения — так это понять, существует ли нет *реальный процесс*, приводящийся в движение конкурентной силой предпринимательства и не сталкивающийся с ограничениями, наложенными государством, независимо от того, что порой результат предпринимательского творчества имеет форму «монополии» или «олигополии».

³⁴ См.: Don Lavoie, *Rivalry and Central Planning*, p. 129 (note 8), где Лавой пишет о статье Лернера: Abba P. Lerner, "The Concept of Monopoly and the Measurement of Monopoly Power," *Review of Economic Studies*, no. 1 (1934): 157—175. См. также мою статью "La Crisis del Paradigma Walrasiano," *El País* (Madrid, December 17, 1990): 36.

ра Ланге полностью относится и к Лернеру³⁵: Ковалик демонстрирует, что у Ланге не было ни аналитических инструментов, позволяющих решить проблему экономического расчета при социализме, ни инструментов, которые дали бы ему возможность осознать и анализировать действительно важные экономические проблемы³⁶.

³⁵ Ковалик утверждает, что незадолго до смерти Ланге он получил от него письмо (датированное 14 августа 1964). В нем Ланге писал: «Так называемое оптимальное размещение ресурсов — вопрос второстепенный, самое главное — это *стимулы развития производительных сил* (накопление и развитие технологий); в этом состоит смысл, так сказать, “рациональности”». Ковалик делает из этого следующий вывод: «Представляется, что у него не было необходимых инструментов для того, чтобы решить этот вопрос или даже подробно его изложить» (Kowalik, “Lange—Lerner Mechanism,” *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, vol. 3, p. 131). Ковалик также отмечает, что в некоторые периоды своей жизни, Ланге, вероятно, разделял взгляды Лернера. В статье 1938 г. «Аргументы экономиста в пользу социализма» (“The Economist’s Case for Socialism”) Ланге писал: «Самое главное в обсуждении экономических достоинств социализма заключается не в сравнении состояния равновесия в социалистической и капиталистической экономиках по параметру общественного благосостояния. Хотя такое сравнение представляет интерес для экономиста-теоретика, вопрос совсем не в этом. Он состоит в том, *совместимо ли дальнейшее существование капиталистической системы с экономическим прогрессом*». На самом деле, Ланге не верил, что капиталистическая система в состоянии сохранить те колоссальные темпы экономического роста и технологического прогресса, которые отличали ее в период между промышленной революцией и Великой депрессией. Он вряд ли бы мог представить себе, что спустя всего лишь десятилетия после его смерти эта фундаментальная экономическая проблема приобретет прямо противоположную формулировку, поскольку станет ясно: несовместим с экономическим прогрессом и технологическими инновациями (и, разумеется, со свободой и демократией) социализм, а не капитализм.

³⁶ Особый интерес представляют взгляды Милтона Фридмена, поскольку он, с одной стороны, использует аналитические инструменты теории равновесия, что типично для экономиста современной неоклассической школы, а с другой, является страстным защитником капитализма по сравнению с социалистической системой. Вследствие этого в теоретических работах, посвященных критике социализма, Фридмену не удастся ни понять суть тео-

ретической проблемы, поставленной Мизесом (Фридмен часто отзывается о ней пренебрежительно и почти никогда не ссылается на аргументы Мизеса), ни объяснить теоретическое содержание тезиса о невозможности экономического расчета при социализме. На самом деле, у Фридмена нет развитой теории предпринимательства и, соответственно, нет объяснения того, как функционируют действующие на рынке динамические процессы, которые основаны на предпринимательстве. Поэтому его «критический анализ» социализма — это не более чем собрание историй из жизни, истолкований того, что происходит при реальном социализме, и туманных замечаний об отсутствии «стимулов» (в узком смысле; мы приводили аргументы против использования термина «стимул» в узком смысле, когда анализировали взгляды Диккинсона) в социалистических экономиках. Недостатки аналитического аппарата Милтона Фридмена применительно к этой сфере ярко проявляются в его работе *Market or Plan?* (London: Center for Research into Communist Economies, 1984). В этом небольшом памфлете Фридмен даже хвалит тексты Ланге и называет работу Лернера *The Economics of Control* «восхитительной книгой, из которой можно узнать многое о том, как устроен свободный рынок — гораздо больше, чем о том, как управлять социалистическим государством, что собственно говоря, является задачей ее автора» (р. 12). Фридмен не понимает, что тексты Лернера и Ланге не имеют отношения к задаче создания теоретического фундамента социалистической системы именно потому, что их авторы совершенно не представляют себе, как на самом деле работает капиталистическая система. Иначе говоря, Мизесу и Хайеку удалось построить целую теорию вокруг невозможности социализма именно потому, что они обладали глубокими теоретическими знаниями о том, как на практике работает капиталистическая система. Соответственно, у нас есть сильное подозрение, что похвалы Фридмена по адресу книги Лернера объясняются теоретической ограниченностью его собственного восприятия динамических рыночных процессов, приводимых в действие предпринимательством. Кроме того, Фридмен зачем-то объективирует систему цен, рассматривая ее в качестве чудесного «передатчика» (явно объективной) информации и одновременно — «стимула», поощряющего правильное использование этой информации. Ему не удалось понять, что проблема не в этом, что цены не «создают» и не «передают «информацию», что на это способен только человеческий разум в контексте предпринимательского действия. Он не понял, что чудо рынка состоит не в том, что система цен «эффективно» передает информацию (Friedman, 9—10), а в том, что рынок — это процесс, под давлением врожденной предпринимательской энергии каждого человека непре-

равно создающий новую информацию в свете новых целей, которые каждый из людей ставит перед собой, а также порождающий в ходе взаимодействия людей между собой процесс координации, с помощью которого все мы бессознательно обучаемся приспособлять наше поведение к целям, желаниям и обстоятельствам других людей. Иными словами, цены не передают информацию, а создают прибыльные возможности, которые можно реализовать с помощью предпринимательства, силы, создающей и передающей новую информацию, и тем самым обеспечивающей координацию социального процесса в целом. Наконец, Фридмен отмечает (р. 14), что фундаментальная проблема социалистической системы — это проблема контроля за тем, как экономические субъекты соблюдают заранее установленные «правила». Проблема не в этом. Главная проблема, как нам известно, в том, что отсутствие свободы предпринимательства препятствует порождению информации, необходимой для того, чтобы в ходе принятия решений играли роль рациональные экономические расчеты и описанный выше координирующий процесс. Только дважды, и то между делом, Фридмен упоминает об этой фундаментальной экономической проблеме, но он считает ее второстепенной и, соответственно, не занимается ни подробным анализом самой этой проблемы, ни изучением всех следствий из нее. В одном месте он упоминает, что центральному бюро планирования было бы сложно получить информацию, необходимую для контроля за менеджерами (р. 14), не осознавая при этом, что информация такого типа не будет создаваться даже на уровне менеджеров. В рецензии на книгу Лернера *The Economics of Control* (см. *Journal of Political Economy*, no. 55 [October 1947]: 405–416), где Фридмен изучает «институциональные механизмы» для достижения оптимума, он невнятно критикует Лернера за то, что тот не учитывает роли прибыли как руководства к действию и как фактора, определяющего способность предпринимателя распределять ресурсы. Однако ни в этом, ни в остальных случаях Фридмен не в состоянии объяснить, почему с теоретической точки зрения предложенная Ланге и Лернером система не может работать и что за этим стоит. Этим объясняется склонность Фридмена к аргументам, основанным на неэкономических (политических, экономических и связанных с личной свободой) последствиях предлагавшихся социалистами институциональных реформ; этим объясняется также явная теоретическая слабость его критики социализма. Этот длинный список замечаний был необходим из-за того, что Фридмена часто отождествляют с Мизесом и Хайеком, причисляя к той же школе, и это привело к большому смятению в умах тех экономистов Запада и Восточного блока, которые еще не изучили проблему как следует, и, соответственно, еще не осо-

2. «Рыночный социализм»: квадратура круга

В свете нашего анализа предложений Оскара Ланге и остальных «рыночных социалистов» его школы³⁷ можно сделать вывод, что и в теории, и на практике есть только два вариан-

знали глубоких и радикальных различий между теоретической парадигмой Фридмена, с одной стороны, и Мизеса и Хайека — с другой. Наша критика позиции Фридмена распространяется на всех чикагских теоретиков, одержимых эмпирией и помешанных на фантазмагорическом объективистском равновесии (восходящем к Маршаллу и Рикардо); в силу этого они не в состоянии представить, что возможны и другие проблемы с информацией, кроме высоких «транзакционных издержек» на ее приобретение. Их ошибка связана с неявным предположением, будто человек априори способен оценить ожидаемые выгоды и издержки процесса поиска информации. Иными словами, речь идет об абсурдной идее, что человеку априори известна будущая ценность информации, которой он еще не обладает; это абсурдное представление не дает чикагцам осознать роль в экономике предпринимательства и вытекающих из него последствий. Ошибки чикагской школы восходят к Фрэнку Найту, который писал: «Социализм — это политическая проблема, которая должна обсуждаться в терминах социальной и политической психологии, а экономическая теория мало что может сказать по его поводу» (Frank H. Knight, "Review of Ludwig von Mises' *Socialism*" *Journal of Political Economy*, no. 46 [April 1938]: 267—268). Ротбард блестяще объяснил, что в основе этой концептуальной ошибки лежит не только одержимость равновесием, но и отсутствие настоящей теории капитала, так как вслед за Джоном Бейтсом Кларком чикагская школа всегда рассматривала капитал в качестве мифического ресурса, который не имеет временной структуры и воспроизводится автоматически, вне зависимости от предпринимательских решений людей. См.: Murray N. Rothbard, "The End of Socialism and The Calculation Debate Revisited," *The Review of Austrian Economics* 5, no. 2 (1991): 60—62.

³⁷ В 1948 г., вскоре после опубликования работ Ланге и Лернера, вышла книга Джеймса Мида «Планирование и ценовой механизм: либерально-социалистическое решение» (James E. Meade, *Planning and the Price Mechanism: The Liberal-Socialist Solution* [London: George Allen and Unwin, 1948]); в ней Мид высказывает свои предложения и формулирует позицию, очень близкую к идеям Ланге и Лернера; соответственно, нам следует рассматривать Мида как члена группы, чьи взгляды мы проанализировали в основном тексте.

та: либо люди обладают полной свободой предпринимательства (в среде, где частная собственность на средства производства признается, ее защита гарантируется, а ограничения сводятся к минимуму традиционных норм частного и уголовного права и нужны, чтобы предотвращать несистематическое насилие против человеческой деятельности и нарушение договоренностей); либо существует систематическое и повсеместное принуждение, направленное против предпринимательства, которое затрагивает более или менее обширные сферы рынка и общества, в частности, запрет на частную собственность на средства производства. Во втором случае проявлять предпринимательство в затронутых принуждением социальных сферах, особенно в сфере средств производства, невозможно, и это неизбежно приводит к тому, что во всех этих сферах становится невозможным подробно описанный нами выше рациональный экономический расчет. Как мы продемонстрировали, в системе второго типа невозможны ни социальная координация, ни экономический расчет, поскольку и то, и другое может иметь место только там, где человеческая деятельность полностью свободна. «Рыночные социалисты» попытались — с фантазмагорическим результатом — создать «теоретический синтез», где установлена социалистическая система (которая характеризуется систематической агрессией против человеческой деятельности и государственной собственностью на средства производства), но при этом продолжает существовать «рынок». По идеологическим, романтическим, этическим и политическим мотивам они упорно не желают отказываться от социализма, но, поскольку возражения Мизеса и Хайека произвели на них сильное впечатление, они стремятся включить рынок в свои модели, в тщетной надежде соединить «лучшее из двух миров» и придать своему идеалу большую привлекательность и популярность.

Однако социалисты не желают понимать, что примитивного насильственного ограничения человеческой деятельности в любой сфере, особенно в сфере средств и факторов производства, достаточно, чтобы помешать рынку, который является базовым социальным институтом, функционировать согласованным образом и порождать необходимую для экономического расчета практическую информацию. Итак, «рыночные социалисты» не понимают, что нельзя безнаказанно применять систематическое насилие против самой сути

того, что делает нас людьми: против нашей способности свободно действовать в любых конкретных обстоятельствах, в любое время и в любом месте.

По крайней мере, «рыночные социалисты» до недавнего времени не понимали этого, поскольку Брус и Ласки (которые в течение длительного времени защищали «рыночный социализм» и рекомендуются «бывшими наивными реформаторами») вслед за Темкиным признали правоту слов Мизеса: «То, что предлагают неосоциалисты, крайне парадоксально. Они хотят упразднить частное управление средствами производства, рыночный обмен, рыночные цены и конкуренцию. Но в то же самое время неосоциалисты хотят организовать социалистическую утопию таким образом, чтобы люди могли вести себя, как *если бы* все эти вещи существовали. Они хотят, чтобы люди играли в рынок, как дети играют в войну, железную дорогу или школу. Неосоциалисты не осознают, насколько такая детская игра отличается от реальности, которую она пытается имитировать. ... *Социалистическая система с рынком и рыночными ценами внутренне противоречива, как понятие треугольного квадрата*». Позже, развивая образы Мизеса, Энтони де Ясаи писал, что «рыночный социализм» — это «прямое противоречие в терминах, подобно горячему снегу, блудливой девственнице, жирному скелету, круглому квадрату»³⁸.

То, почему это помешательство на «квадратуре круга» (к чему неизбежно сводится всякий «рыночный социализм») длительное время было объектом острого научного интереса и значительных научных усилий, можно понять, только если учитывать следующие три фактора: во-первых, сильную и упорную политико-идеологическую мотивировку, которая препятствует отказу от социалистического идеала по эмоциональным, романтическим, этическим или политическим причинам; во-вторых, использование неоклассической модели равновесия, которая описывает реальное существование капиталистического рынка крайне скупо, примитивно и туманно

³⁸ Wlodzimierz Brus and Kazimierz Laski, *From Marx to the Market: Socialism in Search of an Economic System*, 167–168. Цит. по: *Human Action*, 706–707, 710 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 662, 665] (курсив мой. — *U. de C.*), а также: Anthony de Jasay, *Market Socialism: A Scrutiny. This Square Circle*, 35.

но и по умолчанию включает представление о доступности всей необходимой информации, тем самым создавая впечатление, что социалистическая система могла бы функционировать на основании тех же теоретических предпосылок, что и классическая модель; в-третьих, явный отказ от теоретического анализа того, каким образом реально протекает человеческая деятельность в среде, где нет частной собственности на средства производства, и даже осуждение таких исследований под предлогом, что обсуждение стимулов и мотивации якобы «чуждо» экономической «теории».

Некоторые социалистические исследователи в лучшем случае предлагают введение «бонусов» и «стимулов», неумело имитирующих предпринимательскую прибыль на рынке, искренне не понимая, почему менеджеры социалистической системы не смогут вести себя так, как менеджеры в рыночной экономике, если в общих выражениях приказать этим менеджерам сделать то-то и то-то, «действовать согласованно», «ради общего блага» и т.п. (И если эту ошибку делают экономисты, чего можно ждать от неспециалистов?) Эти теоретики не понимают, что общие директивы, пусть даже они продиктованы самыми благими намерениями, бесполезны, когда должны приниматься конкретные решения в связи с конкретными проблемами, возникающими в конкретное время в конкретном месте. Они не понимают того, что если бы даже все люди посвятили себя выполнению (одновременно «очевидных» и «бессодержательных») приказов вроде «работай ради общего блага», «координируй социальные процессы» или даже «возлюби ближнего своего», то в результате мы стали бы действовать рассогласованно, вопреки общему благу и к большому ущербу для ближних и дальних. Это случилось бы потому, что было бы невозможно, действуя творчески, обнаруживать в каждом сочетании конкретных обстоятельств различные возможности для извлечения прибыли, а также оценивать и сравнивать их с точки зрения потенциальных субъективных издержек.

Представители австрийской школы, напротив, неустанно развивали и улучшали другой подход в сфере экономической науки; они разрабатывали, с помощью формальных и абстрактных (но нематематических) терминов общую теорию (реальной, а не механической) деятельности людей в обществе и различные следствия из нее. Ключевым элементом этой теории является само осуществление человеческой деятельности,

или предпринимательства, процесса, в ходе которого постоянно обнаруживаются новые цели и средства, а также генерируется информация, обеспечивающая рациональное, децентрализованное принятие решений и тем самым координацию поведения всех людей, что, в свою очередь, приводит к возникновению чрезвычайно сложноорганизованной социальной сети. В частности, теоретики из бывших стран Восточного блока сегодня уделяют все больше внимания изучению, анализу и популяризации этого подхода; они считают теоретические труды Мизеса и Хайека более важными, чем труды других теоретиков, и ссылаются на них чаще, чем на работы таких выдающихся западных неоклассических теоретиков, как Самуэльсон, и даже чаще, чем на работы представителей чикагской школы, например Фридмена. В связи с этим неудивительно, что все больше «рыночных социалистов» отказывается от своих прежних взглядов³⁹. «Рыночный социализм» в качестве

³⁹ Мы должны согласиться с Артуром Селдоном: удивительно, что наиболее известные из «рыночных социалистов» вообще продолжают оставаться социалистами. Селдон пишет: «Мне совершенно непонятно, почему Ноув остается социалистом. Это недоумение относится и к другим рыночным социалистам: к чехословацкому экономисту Оте Шкику (преподающему в Швейцарии), Брусу из Польши (сейчас — в Оксфорде), Корнаи из Венгрии (Будапешт), Колаковски (Оксфорд) и др.». См.: Brian Crozier and Arthur Seldon, “After a Hundred Years: Time to Bury Socialism” in *Socialism Explained* (London: The Sherwood Press, 1984), 61. Однако необходимо сказать, что на данный момент практически все выдающиеся экономисты, упомянутые Селдоном (за возможным исключением Ноува), перестали быть социалистами. Ноув может присоединиться к остальным, если прекратит воспринимать рынок в терминах «совершенно равновесия», характерных для неоклассической парадигмы, и, подобно своим бывшим единомышленникам, усвоит теорию рыночных процессов австрийской школы. Вероятно, наиболее известная его книга: Alec Nove, *The Economics of Feasible Socialism* (London: Allen and Unwin, 1983). Пожалуй, самое замечательное в ней — это типология пороков социалистических систем. Главный ее недостаток связан с теоретической ущербностью представленного в ней критического анализа капиталистических систем (применительно к которым Ноув указывает на неравенство доходов, инфляцию, отсутствие «демократии» и провал в области “экстерналий”), возникающей в результате ошибок в интерпретации, обусловленных неподходящим ана-

решения проблемы экономического расчета при социализме потерпел поражение и в теории, и на практике (все неоднократные попытки такого рода реформ в странах Восточной Европы провалились), и, соответственно, те самые теоретики,

литическим инструментарием (неоклассическим подходом и концентрацией на равновесии), который Ноув использует для истолкования ситуации в капиталистических системах. Соответственно, по мере того, как Алек Ноув будет знакомиться с динамической австрийской теорией социальных процессов, его взгляды, скорее всего, станут развиваться в том же направлении, что и взгляды других замечательных исследователей, таких, как Корнай и Брус. Что касается типа социализма, который предлагает Ноув (он называет его «осуществимым», так как считает, что его можно построить в течение жизни одного поколения), то в нем нет ничего нового; это беспорядочное сочетание национализации базовых секторов, концентрации планирования там, где существуют «экстерналии», поощрения кооперативов в мелкой и средней промышленности и стимулирования «конкуренции», насколько это возможно. В модели Ноува разрешается функционирование рынков, но в сочетании с многочисленными контрольными мерами. В любом случае, сегодня книга Ноува уже устарела: не только потому, что он считал идеальным путем к социализму тот, на который Венгрия вступила в 1968 г., но и потому, что он не смог предвидеть тех исторических событий, которые произошли между 1989 и 1991 гг., и не смог ничего противопоставить тому критическому анализу социализма, который мы подробно изложили в нашей книге. Наконец, следует упомянуть о благоприятных признаках, указывающих на изменение позиции Ноува. В статье, написанной в марте 1988 и посвященной тому, как он сегодня видит свою книгу 1983 г. *The Economics of Feasible Socialism* (“‘Feasible Socialism’ Revisited,” chap. 16 of *Studies in Economics and Russia* [London: Macmillan, 1990]), Ноув прямо признает справедливость «некоторых» «критических возражений представителей австрийской школы против “рыночного социализма”» и неоклассической парадигмы. Он пишет: «Таким образом, имеет смысл согласиться с тем, что критические замечания, подобные кирцнеровским, верны» (p. 237). Через 9 месяцев, в декабре 1988 г., в статье “Soviet Reforms and Western Neoclassical Economics” (*Studies in Economics and Russia*, chap. 17) Ноув полностью соглашается с тем, что «австрийская теория, разумеется, имеет большее значение для советских реформ, чем неоклассическая парадигма», и заканчивает свой текст следующей загадочной фразой: «Необязательно соглашаться с их [австрийцев] выводами, однако нужно воспринимать их доводы серьезно» (!) (p. 250).

которые до недавнего времени защищали его, сегодня отказываются от этой модели⁴⁰.

⁴⁰ О том, до какой степени влияние Мизеса и Хайека распространяется в том числе на бывших марксистов, можно судить по статьям типа: Geoff Mulgen, "The Power of the Weak," December 1988, *Marxism Today* (вероятно, это наиболее авторитетный журнал британских социалистов). В этой статье Малген констатирует, что те институты, которые были издавна дороги социалистам (государство, профсоюзы, политические партии и т.п.) представляют собой жесткие, негибкие, централизованные, иерархические и, тем самым, глубоко *античеловеческие* управленческие системы. Поэтому, следуя в русле размышлений Хайека, он склоняется к тому, что сам он называет «системами со слабой властью», потому что они расходуют впустую гораздо меньше «человеческой энергии», основаны на сотрудничестве и конкуренции, являются децентрализованными, могут быть соединены в сложную систему или сеть и эффективно передают информацию. Он считает, что в будущем британские лейбористы должны переориентироваться на эти децентрализованные структуры и рынок, отказавшись от тех институтов, которые они традиционно защищали. Более того, Малген даже высказывает догадку, близкую к нашему фундаментальному возражению против возможности использования текущей или будущей мощности компьютеров для обеспечения экономического расчета при социализме (децентрализованное использование любых компьютерных мощностей создаст такое разнообразие информации и такой ее объем, что ее нельзя будет использовать централизованно, опираясь на эти же мощности), когда пишет: «Ланге был неправ, потому что технология наталкивается на контекст, в котором порождается информация». Малген добавляет, что централизованные компьютерные системы искажают информацию, в то время как децентрализованные системы, наоборот, создают стимулы для создания и корректной передачи информации, не считая того, что предприниматели совершают непрерывную революцию в сфере компьютерной обработки и мониторинга данных, в то время, как центральные плановые органы в лучшем случае плетутся у них в хвосте. В свете этих признаков теоретического демонтажа социализма, прискорбно, что исследователи вроде Дэвида Миллера (David Miller, *Market, State and Community: Theoretical Foundations of Market Socialism* [Oxford: Clarendon Press, 1989]) до сих пор упорно стремятся создать утопический идеал «рыночного социализма». Трудно найти что-либо оригинальное в предложениях Миллера, основанных на принудительном создании «конкурентной» системы кооперативов, которой должны «демократически» управлять работники. Миллер не экономист, он не изучал спора об эконо-

3. Морис Дobb и полное уничтожение индивидуальной свободы

В самом конце нашей книги мы проанализируем представляющую определенный теоретический интерес позицию, главным выразителем которой с самого начала был Морис Дobb. Дobb начинает с того, что более или менее открыто признает невозможность экономического расчета при социализме, однако затем он приходит к выводу, что и невозможность рационального расчета, и вытекающая из нее неэффективность социализма не имеют значения. Иными словами, по его мнению, это «издержки», которые не должны учитываться, потому что к социалистическому идеалу следует стремиться как к таковому, по этическим, идеологическим и политическим причинам и вне зависимости от результатов. Соответственно, сторонники этой позиции называют «лицемерными» или «наивными» тех «рыночных социалистов», которые хотят внедрить в социалистическую систему как можно больше капиталистических механизмов. Защитники этих взглядов желают называть вещи своими именами, никого не обманывая: либо социализм означает полное уничтожение автономии и индивидуальной свободы, либо это не социализм⁴¹.

мическом расчете при социализме и совершенно не осознает, что его система не может работать (люди в ней не могут свободно заниматься предпринимательством, так как средства производства не находятся в частной собственности и информация, необходимая для рациональных расчетов и согласованных действий всей системы, не порождается). Однако Миллер достаточно честен, чтобы признать, что такая система вряд ли будет столь же эффективной, как конкурентный капитализм; соответственно, по его мнению, главные аргументы в пользу его «рыночного социализма» должны быть иного сорта, а именно, последний будет представлять больше «справедливости», «свободы» и «демократии» на рабочем месте (р. 14). В связи с этим, скорее всего, лучше перенести полемику с такими авторами из области экономической науки в область политической философии или этики. См. критику этой и других недавних попыток возродить «рыночный социализм» в книге: Anthony de Jasay, *Market Socialism: A Scrutiny. This Square Circle*. См. также сноску 4 в главе 4, а также: Martin Feucht, *Theorie des Konkurrenz-Sozialismus* (Stuttgart: G. Fischer, 1983).

⁴¹ Как писал сам Дobb: «Либо планирование означает отказ от автономии в сфере личных решений, либо оно вообще ничего

Эти теоретики в лучших традициях социализма желают насильно навязать всем людям свое частное мнение о том, каким должен быть мир. Кроме того, эти теоретики осознали, что убогая частичная имитация в социалистической системе некоторых характерных для рыночной экономики элементов не только не упрощает проблему экономического расчета, но делает ее более выпуклой и сложной. Действительно, если на каком-то уровне допускается децентрализованное принятие решений, то проблема, связанная с невозможностью централизовать рассеянное знание, проявляется гораздо острее и заметнее, что создает впечатление ухудшения социальной координации (если это и не так на самом деле). Напротив, если все свободы (в том числе свобода выбора товаров потребителями и свобода выбора рабочих мест наемными работниками) уничтожены и экономическим субъектам насильственно мешают принимать любые самостоятельные решения, то, хотя, как мы знаем, проблема экономического расчета все равно остается неразрешимой, она почти незаметна и внешне уровень социальной «координации» и «коррекции» кажется гораздо выше⁴².

не означает». См. главу под названием «Экономический закон в социалистической экономике» (“Economic Law in the Socialist Economy”) в *Political Economy and Capitalism: Some Essays in Economic Tradition* (London: Routledge and Kegan Paul, 1937), 279.

⁴² Пол Суизи считает, что попытки ввести элементы децентрализации в социалистическую систему могут привести исключительно к воспроизведению «некоторых из худших черт капитализма и не позволят воспользоваться конструктивными преимуществами экономического планирования». См.: Paul M. Sweezy, *Socialism* (New York: McGraw-Hill, 1949), 233. Итак, Суизи имеет в виду систему тотального планирования, включающую конкретные указания для менеджеров разных отраслей насчет того, как они должны выполнять соответствующие отраслевые и предпринимательские планы. По мнению Суизи, любая теория планирования основана на политических решениях (то есть на насильственном навязывании критериев, установленных диктатором). Он не понимает сути проблемы экономического расчета при социализме (принятия произвольных решений) и в практическом отношении это не имеет для него значения, так как он считает, что, после того, как цели планирования установлены, качество и количество соответствующих факторов производства будет «автоматически»

Представим себе общество, функционирующее на уровне простого выживания и основанное на простых экономических связях, навязанных сверху с помощью насилия и уничтожения противников «режима». Можно даже предположить, что жестокому диктатору будет помогать контролировать выполнение приказов какой-нибудь суперкомпьютер. В этих обстоятельствах экономический расчет будет значительно проще: люди исполняют приказы диктатора, он выбирает сочетания товаров, а все остальные рабски повинуются и следуют инструкциям, полученным сверху. Как ясно показал Мизес⁴⁵, даже в таких исключительных условиях, которые в максимальной степени «благоприятствуют» осуществлению экономического расчета при социализме, проблему расчета решить невозможно, потому что у диктатора все равно не будет рациональных ориентиров для принятия решений. Иными словами, он не в состоянии будет узнать, нет ли возможности быстрее и эффективнее достичь поставленных им целей с помощью других сочетаний факторов и товаров или других решений. Однако, *если диктатору все равно*, то есть, если данный тип социализма не просто уничтожает свободу потребителей выбирать из потребительских товаров и услуг, свободу работников выбирать место работы и частную собственность на средства производства, но у него (явно или неявно) еще и нет экономической цели, или если эффективность рассматривается как несущественная уступка во имя необходимости сохранения системы как таковой, то проблему экономического расчета можно считать «решенной», хотя и не потому, что он действительно возможен, а в результате натянутого переопределения «расчета» как отсутствия расчета и непрерывного навязывания капризов и желаний диктатора всем остальным.

Неудивительно, что теоретики этой школы, считающие конкуренцию и социалистическое централизованное планирование принципиально несовместимыми, критиковали так

определено планирующими органами и насильно навязано отраслям и компаниям. См. комментарии по поводу позиции Суизи в статье Elisabeth L. Tamedly "The Theory of Planning According to Sweezy," *Socialism and International Economic Order* (Caldwell, Idaho: The Caxton Printers, 1969), 143–145.

⁴⁵ Ludwig von Mises, *Human Action*, 695–701 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 652–656].

называемый «рыночный социализм» особенно жестко. Вследствие этого между Морисом Доббом и «рыночными социалистами», и в особенности Аббей Лернером⁴⁴, возник любопытный спор. Забавно, что в этом пункте Добб соглашается с теоретиками австрийской школы; он даже иронически критикует рыночных социалистов за то, что они используют модель равновесия, и за то, что они предполагают, в рамках неоклассической парадигмы, будто между капиталистической и социалистической «системами» имеется столько «сходства», что между ними нет никакого формального различия. Добб рассматривает эту проблему не в рамках неоклассического анализа равновесия; с его точки зрения, она связана с радикальным отличием «институтов» социалистической системы от институтов капиталистической системы и конкретно с тем, что социализм включает насильственное уничтожение всех институтов, присущих капиталистической системе⁴⁵. Добб даже указыва-

⁴⁴ Основные статьи Мориса Добба, связанные с этим спором, таковы: “Economic Theory and the Problems of a Socialist Economy,” *Economic Journal*, no. 43 (1933): 588—598; “Economic Theory and Socialist Economy: A Reply,” *Review of Economic Studies*, no. 2 (1935): 144—151. Эти статьи и другие относящиеся к спору тексты собраны в книге *On Economic Theory and Socialism: Collected Papers* (London: Routledge and Kegan Paul, 1955).

⁴⁵ Добб пишет: «Разумеется, если пользоваться достаточно формальными формулировками, то “сходство” между любыми двумя экономическими системами будет полным, а их “отличия” исчезнут. Сегодня в сфере экономической теории модно конструировать модели настолько формальные и настолько лишённые практического содержания, что фундаментальные различия исчезают. Качественные отличия законов социалистической экономики от законов капиталистической экономики... разумеется, выражены не в алгебраических правилах, а в утверждениях, которые основаны на реально существующих различиях». См.: “Economic Theory and Socialist Economy: A Reply,” 144—145. Интересно отметить, что, по собственному признанию Добба, сначала он считал, что проблему экономического расчета при социализме можно решить примерно так, как предлагал Диккинсон, однако потом, проанализировав последствия этого для социалистической системы, он отказался от этой точки зрения. Действительно, в статье 1933 г. Добб критикует модель Диккинсона за «статичность» в выражениях, которые могли бы принадлежать Хайеку. Добб утверждает, что попытка приложить постулаты статического равновесия к постоянно меняющемуся миру — это «бесплодные и абстрактные

ет на фундаментальную противоречивость «решений», предложенных «рыночными социалистами», которые стремятся соединить несоединимое и, в зависимости от собственных интересов, текущих обстоятельств и типа выбранной ими аргументации, подчеркивают в своих моделях то характеристики, типичные для рынка, то преимущества социалистического планирования. В ходе дискуссии с Лернером Добб обозвал его «невидимым оппонентом», поскольку Лернер при любой возможности с большим искусством использовал для того, чтобы уклониться от ответа, простой, но любопытный диалектический прием, который мы только что описали⁴⁶.

В общем и целом, Добб утверждает, что центральная власть должна устанавливать все цены, которые должны быть насильственно навязаны на всех уровнях и никакого суверенитета потребителя и свободы выбора места работы быть не должно. Если учесть к тому же, что единственная цель центральной власти заключается в том, чтобы сохранить свои полномочия, то вопрос о том, возможен или невозможен «экономический расчет», действительно может показаться не очень существенным. В этом отношении позиция Добба и менее противоречива, и ближе к реальности, и честнее, чем позиция многих «рыночных социалистов». Она менее противоречива и ближе к реальности, потому что основана не на формальном анали-

потуги»; что экономическая теория — это гораздо больше, чем «формальный набор приемов... чем система функциональных уравнений, чем раздел прикладной математики, постулирующий формальную взаимосвязь между определенными количественными параметрами». См.: “Economic Theory and the Problems of a Socialist Economy,” 589.

⁴⁶ Точнее, Добб заметил, что его «не покидает чувство, что он борется с невидимым оппонентом». (См.: “Reply,” 1935, p. 144.) Некоторые замечания Лернера об установлении системы цен при социализме демонстрируют эту стратегию уклонения. В статье 1934 г. “Economic Theory and Socialist Economy” он пишет: «Конкурентная система цен должна быть приспособлена к социалистическому обществу. Если ее просто воспроизвести, мы получим не социалистическое, а конкурентное общество» (p. 55). Однако вскоре после этого в статье “A Rejoinder” (1935, p. 152) Лернер противоречит сам себе: «Под системой цен я имею в виду систему цен. Не просто фокусы с цифрами *a posteriori*, а цены, которые должны учитываться менеджерами фабрик в процессе организации производства».

зе равновесия, а на реальных институтах социализма, который, как мы знаем, состоит в систематическом и глобальном принуждении, в точном соответствии с политической конструкцией этой модели со времени ее возникновения. Позиция Добба честнее, чем позиция «рыночных социалистов», потому что он не прилагает усилий, чтобы скрыть истинное лицо социализма, а прямо и открыто строит эту систему на грубом подавлении и ограничении свободной человеческой деятельности⁴⁷.

Хофф в ходе критического анализа позиции Добба приводит следующий иллюстрирующий ее пример⁴⁸. Он пишет, что использование молибдена для производства игрушечных мечей и высококачественных оптических линз в микроскопах, предназначенных для детского сада, разумеется, воспринималось бы как неоптимальное размещение ресурсов в таком обществе, где удовлетворение желаний потребителей (или самого диктатора) имеет значение и где этот металл и эти линзы могли бы принести гораздо больше удовлетворения (потребителям или самому диктатору), если их использовать в других целях. Однако такое размещение ресурсов не считалось бы «неэффективным» и «неэкономным», если бы цель состояла, например, в том, чтобы снабдить детей приборами максимально высокого качества или в том, чтобы любой ценой создать наилучшие условия для тех, кто производит линзы. Итак, мы видим, что алогичные и неоптимальные решения не кажутся такими, если цель в каждом случае устанавливается произвольно или если целей вообще нет. Кроме того, как мы знаем, между реальным и «демократическим» социализмом существует разница в степени, а не по сути; следовательно, произвольное поведение такого рода не является исключительной особенностью радикальных социалистичес-

⁴⁷ Годы спустя Добб слегка изменил свою позицию, добавив некоторой децентрализации и даже конкуренции на уровне принятия решений. Однако Добб не сформулировал конкретно, в чем будет состоять эта незначительная децентрализация, а с теоретической точки зрения интерес, по нашему мнению, представляет та позиция, которой он придерживался в 1930-х годов; именно ее мы в дальнейшем будем называть «классической моделью Добба».

⁴⁸ Trygve J. В. Hoff, *Economic Calculation in the Socialist Society*, chap. 14. Пример с молибденовыми мечами см. на с. 278—279.

ких обществ: оно постоянно встречается в западных странах в форме интервенционистских мер⁴⁹.

В свою очередь Хайек посвящает подробному анализу позиции Мориса Дobbа целый раздел⁵⁰ своей статьи 1935 г. о текущем состоянии полемики. Он высоко оценивает мужество и честность, которые проявил Дobb, описывая реальные последствия социализма⁵¹. Однако Хайек стремится подчеркнуть,

⁴⁹ Амартия Сен интерпретирует позицию Дobbа следующим образом: Дobb считал, что равенство результатов гораздо важнее, чем эффективность (именно поэтому его не интересовали проблемы, связанные с эффективностью). Сен также упоминает о том, что для Дobbа принудительное планирование инвестиций было гораздо важнее, чем совершенство на уровне микроэкономической коррекции. Тезис о том, что вопросы «эффективности» должны быть подчинены принципу равенства стал расхожей монетой в кругах левых интеллектуалов, смирившихся с тем, что социализм не может конкурировать с капитализмом в сфере создания богатства. Однако те интеллектуалы, которые занимают такую позицию, забывают что: 1) эффективность (то есть действенность) и мораль это две стороны одной медали, то, что не работает на практике, не может быть справедливым и нет ничего практичнее морали; 2) издержки той эгалитарной модели, которую они предлагают, — это не только бедность, но и грубейшее подавление человеческой деятельности; 3) история учит тому, что принуждение не уменьшает неравенства, а часто, наоборот, увеличивает и углубляет его; 4) наконец, нет ничего более несправедливого, аморального и неэтичного, чем насильственное установление равенства, потому что каждый человек от рождения имеет естественное и неотчуждаемое право придумывать новые цели и распоряжаться плодами собственного предпринимательского творчества. См.: Amartya Sen, “Maurice Herbert Dobb,” *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, vol. 1, pp. 910—912.

⁵⁰ “Abrogation of the Sovereignty of Consumers,” раздел 4, “The Present State of the Debate,” *Collectivist Economic Planning*, 214—217 [Хайек Ф. Экономический расчет при социализме II: состояние дискуссии (1935) // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. С. 158—160].

⁵¹ «Морис Дobb недавно довел этот взгляд до логического завершения, заявив, что стоило бы отказаться от свободы потребителя, если такая жертва позволит сделать возможным социализм. Несомненно, это очень мужественный шаг. В прошлом социалисты всегда протестовали против утверждения, что жизнь при социализме будет, как в казарме, подчинена требованиям уставов, регламентирующим абсолютно все. Д-р Дobb считает

что, для того чтобы в модели Добба стал возможен экономический расчет, недостаточно просто отобрать у потребителей и наемных работников свободный выбор; мы должны также *предположить, что у социалистического диктатора нет никакой иерархии целей*. Ведь если предположить, что диктатор поставил перед собой цель, то можно со всей определенностью утверждать, что рациональный экономический расчет невозможен даже в модели Добба, так как у него не будет объективных ориентиров, позволяющих ему узнать, не жертвует ли он иными, более ценными с его точки зрения целями, когда принимает решения, направленные на то, чтобы достичь данной конкретной цели. Таким образом, и в этом отношении точка зрения Хайека полностью совпадает с точкой зрения Мизеса, который прямо говорит, что проблема экономического расчета требует, чтобы диктатор, как минимум, решил, каковы его цели и какова их относительная значимость на его шкале ценностей⁵². Если мы будем исходить из этого предположения, то экономический расчет невозможен, так как у диктатора не будет рационального ориентира, который указал бы ему на то, что, принимая те или иные решения, он тем самым становится дальше от достижения тех целей, которые он ценит больше (или наоборот, ближе к ним)⁵³.

эти взгляды устаревшими» (F. A. Hayek, “The Present State of the Debate” in *Collectivist Economic Planning*, 215 [Хайек Ф. Экономический расчет при социализме II: состояние дискуссии (1935) // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. С. 158.] [Курсив мой. — У. де С.]).

⁵² «Мы предполагаем, что руководитель уже сформулировал свои оценки конечных целей» (Ludwig von Mises, *Human Action*, 696 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 653]).

⁵³ Хайек пишет: «Диктатор, сам выстраивающий по порядку различные потребности членов общества в соответствии со своими суждениями об их достоинствах, избавляет себя от хлопот по выяснению человеческих предпочтений и избегает невыполнимой задачи сведения индивидуальных шкал в согласованную единую шкалу, выражающую общие представления о справедливости. Но если он захочет хоть в какой-то степени рационально и последовательно исходить из этой установки, если он захочет реализовать то, что, как он считает, должно быть целями общества, ему придется решать все те проблемы, что мы только что обсуждали» (Hayek, “The Present State of the Debate” in *Collectivist Economic Planning*, 216—217 [Хайек Ф.

И в случае, когда экономический расчет невозможен из-за того, что диктатор предварительно устанавливает свои цели и их иерархию, и тогда, когда мы делаем вид, что проблемы

Экономический расчет при социализме II: состояние дискуссии (1935) // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. С. 159—160. [[Курсив мой. — *U. de C.*]]. Таким образом, кстати, мы видим, что уже в 1935 г. Хайек как бы упоминает о еще не сформулированной в то время «теореме невозможности Эрроу», когда пишет о невозможной задаче объединения персональных шкал ценности в единую шкалу, выражающую общие представления о справедливости, в шкалу, с которой согласились бы все. Однако, Хайек, разумеется, не объяснял эту невозможность чисто логически для статической среды, где вся необходимая информация рассматривается как данная и заранее обусловленная (как в теореме Эрроу); его объяснение является гораздо более глубоким и универсальным: индивидуальные предпочтения в принципе не могут формироваться и передаваться вне предпринимательского контекста (и эта фундаментальная проблема, возникающая в связи с рассеянным, субъективным и невербализованным характером информации, лежит в основе критических аргументов австрийской школы против возможности экономического расчета при социализме). Таким образом, имеются следующие варианты: во-первых, социалистический диктатор может непрерывно навязывать обществу свои произвольные желания в отсутствие какой-либо предустановленной цели (согласно произвольному, анархическому деструкционизму «классической модели» Дobbа); во-вторых, диктатор может предварительно выстроить свою собственную систему ценностей с соответствующей иерархией целей (в этом случае рациональный экономический расчет будет невозможен для самого диктатора; в-третьих, диктатор может попытаться обнаружить общие цели, которых граждане стремятся достичь в соответствии с разделяемой всеми шкалой ценностей (это теоретически невозможно с учетом рассеянной природы знания, сугубо субъективного и предпринимательского способа его порождения, а также того, что в статических условиях будет действовать теорема невозможности (теорема Эрроу)); в-четвертых, диктатор может установить государственную собственность на средства производства, но при этом поощрять экономических субъектов принимать решения децентрализованно (это будет решение «рыночных социалистов», и оно тоже теоретически невозможно, потому что из-за отсутствия полной свободы предпринимательства необходимая для рационального экономического расчета информация не будет порождаться, а прибыль не будет работать как стимул, что происходит в капиталистической системе).

экономического расчета не существует, поскольку у диктатора нет сколько-нибудь значительных целей, связанных с другими людьми, очевидно, что размещение ресурсов в модели Добба будет чисто произвольным и ее неэффективность будет настолько велика, что эту модель можно смело назвать, как выражался Мизес, *деструкционистской* моделью, то есть моделью тотального разрушения и уничтожения цивилизации и сползания человечества в состояние невообразимого рабства и террора⁵⁴.

⁵⁴ Мизес считает *деструкционизм* сутью социализма: «На деле социализм ни в малейшей степени не является тем, на что претендует. Это не открыватель нового и лучшего мира, но грабитель и разрушитель того, что накопили тысячелетия цивилизации. Он не строит, а разрушает. По результатам его действий он должен быть назван деструкционизмом. Разрушение — его сущность» (Ludwig von Mises, *Socialism*, 44 [Мизес. Социализм. С. 292]). Поэтому любая попытка введения систематического институционального принуждения по отношению к свободе предпринимательства воистину является преступлением против человечества, поскольку в долгосрочной перспективе такие социальные эксперименты всегда приводят к ужасным последствиям. Действительно, источником всех величайших трагедий человечества в нашем веке, если они не были связаны с природными катаклизмами (но даже последствия таких катастроф во многих случаях могли бы быть менее ужасны, если бы существовала свобода предпринимательской инициативы), стало — прямо или косвенно — желание (часто — продиктованное самыми благими намерениями) построить социалистическую утопию. Конечно, *различия в степени* усердия, с которым можно стремиться к достижению этого идеала, очень важны, но никогда не нужно забывать, что различия, к примеру, между геноцидом собственного народа, совершенным советским государством, национал-социализмом, коммунистическим Китаем или Пол Потом, и деструктивными последствиями (приводящими к непрерывным конфликтам, вспышкам насилия в обществе и моральному разложению), свойственными «демократическому социализму» и тому, что парадоксальным образом зовется «государством всеобщего благосостояния», — это различия в степени, а не по сути. И в основе «реального» социализма, и в основе «демократического» социализма, или интервенционизма, лежат интеллектуальные ошибки и деструкционизм принципиально одного и того же рода. См. об этом мою статью “El Fracaso del Estado ‘Social’,” *ABC* (Madrid), 8 April 1991, pp. 102–103.

Действительно, невозможно судить с чисто экономической точки зрения⁵⁵ об индивиде, для которого в принципе не имеют значения издержки социалистической системы, лишь бы ее удалось построить, и, как мы видели, в конце своей фундаментальной статьи 1920 г. Мизес соглашается, что в этом случае его аргументы против экономического расчета при социализме не будут братья в расчет.

Любопытно, сколько сторонников социалистического идеала из числа политиков и рядовых активистов продолжали бы его поддерживать после того, как осознали бы, к чему он на самом деле приводит⁵⁶. Следует также поставить вопрос о том, насколько

⁵⁵ Дobb к тому же пишет: «Преимущество плановой экономики как таковой либо в том, что она уничтожает неопределенность, присущую рынку с его рассредоточенными и автономными решениями, либо ни в чем» (Maurice H. Dobb, "Review of Brutzkus and Hayek," *Economic Journal*, no. 45 (1935): 535). Это заявление Дobbа прекрасно вписывается в его диктаторскую модель социализма, в которой он пытается обойти проблему экономического расчета, просто навязав обществу насильственное повиновение произвольным желаниям диктатора. Действительно, как мы видели в главе 2, одна из главных особенностей человеческой деятельности — это творческая природа ее результатов, и поэтому будущее всегда является неопределенным и открыто для творческого воображения предпринимателей. Таким образом, единственный способ избавиться от неопределенности будущего — это силой раздавить способность людей действовать свободно. «Преимущество» централизованного планирования, о котором говорит Дobb, основано на устранении неопределенности путем уничтожения свободной человеческой деятельности и, следовательно, приводит к тому, что общество застывает на месте. Это типичный случай лечения насморка (к тому же воображаемого) гильотиной. Любопытно, что подход Дobbа к неопределенности очень схож с позицией экономистов-неоклассиков, которые рассматривают неопределенность как неприятный «недостаток» рынка из-за того, что она не вписывается в их «модели». Например, Кеннет Эрроу пишет: «Я хотел бы обратить внимание на один конкретный провал системы цен. Я имею в виду наличие неопределенности» (см.: Arrow, *The Limits of Organization* [New York, 1974], 33.)

⁵⁶ Не следует забывать, что Оскар Ланге в статье *On the Economic Theory of Socialism* также упоминает о возможности уничтожения «свободного» рынка потребительских товаров и услуг и утверждает, что и в этих обстоятельствах его система проб и ошибок в сочетании с параметрическими ценами прекрасно продолжала бы работать: понадобилось бы только расширить область применения

ко долго можно силой поддерживать социалистическую модель на каждом конкретном историческом этапе и какие возможности существуют для изоляции какой-либо страны или географической области от остального мира, чтобы люди там не узнали, от чего они отказываются, когда позволяют дурачить и обманывать себя государственной пропаганде. Все эти вопросы очень важны и интересны, особенно в части оценки в каждом конкретном случае вероятности смены власти демократическим или революционным путем по отношению к вероятности сохранения социалистического режима. Однако ни один из этих вопросов не ставит под сомнение правоту теоретического открытия Мизеса и Хайека, доказавших, что социализм неизбежно ведет к обнищанию масс, поскольку не позволяет производить расчета экономической эффективности, и что в конечном счете социализм — это неработающая система, неспособная достичь тех «славных целей» (представляющих собой обман общественности), с которыми она до сих пор обычно ассоциировалась.

параметрических цен, включив туда не только производственные блага и факторы, но и потребительские блага и услуги. В этом случае планирующему органу следует также изменять цены тогда, когда в отсутствие карточной системы возникает дефицит либо избыток потребительских благ. (Разумеется, в этой системе, по причинам, которые мы изложили, когда анализировали предложения Ланге, нет возможности для существования экономического расчета.) Хотя в упомянутой статье Ланге оговаривает, что обсуждение теоретической возможности уничтожения свободы для потребителя не означает, что он сторонник этой меры (он считает ее недемократичной), нам уже известно, как в конце жизни он постепенно пришел к сталинистскому решению, которое практически не учитывает желаний потребителей и лицемерно сводит проблему экономического расчета к принудительному навязыванию плана на всех уровнях. Что касается литературы на немецком языке, то Герберт Зассенхауз (Herbert Zassenhaus) в книге “Über die Ökonomische Theorie der Planwirtschaft,” *of Zeitschrift für Nationalökonomie*, vol. 5, 1935 (английский перевод: “On the Theory of Economic Planning,” *International Economic Papers*, no. 6 [1956]: 88—107), также защищает систему экономического расчета при социализме, основанную главным образом на уничтожении свободы выбора предпринимателей и на решении математического типа с частичным сохранением децентрализованной конкуренции. Для текстов Зассенхауза характерно отсутствие ясности и, в особенности, реалистичности, поскольку, с его точки зрения, сообщества в принципе статичны.

4. В каком смысле социализм невозможен?

В главе 3 мы показали, что социализм является интеллектуальным заблуждением, потому что, с теоретической точки зрения, невозможно корректировать социальное поведение посредством системы институционального принуждения, направленного против свободного взаимодействия людей. Иными словами, главный тезис этой книги состоит в том, что в отсутствие свободы предпринимательства информация, необходимая для рационального экономического расчета (то есть для процесса принятия таких решений, которые не будут произвольными, поскольку в каждом конкретном случае субъективно значимая информация будет учтена), не создается, а экономические субъекты не имеют возможности научиться согласовывать свое поведение с потребностями и обстоятельствами других (то есть не возникает социальная координация). Этот тезис точно соответствует мнению, которое высказывал Людвиг фон Мизес, начиная со статьи 1920 г. Для Мизеса определение «рациональный» относится к принятию решений, которое основано на необходимой, значимой информации о целях, средствах и альтернативных издержках. Мизес доказывает, что эта информация постепенно генерируется и передается исключительно в ходе процесса предпринимательства в конкурентной среде, где существует свобода предпринимательства и частная собственность на средства производства. Следовательно, в отсутствие свободных рынков, частной собственности на средства производства и свободы предпринимательства информация не порождается и (централизованно или децентрализованно) принимаются произвольные решения. Именно таким образом следует интерпретировать слова Мизеса: «Как только происходит отказ от концепции свободного формирования денежных цен на блага высшего порядка, *рациональное производство становится совершенно невозможным*. Каждый шаг по направлению от частной собственности на средства производства и использования денег — это шаг в сторону от рациональной экономической теории»⁵⁷. Он также пишет, по уже приводившимся причинам, что «социализм есть уничтожение рациональной эко-

⁵⁷ Ludwig von Mises, “Economic Calculation in the Socialist Commonwealth,” *Collectivist Economic Planning*, 104.

номики»⁵⁸. Однако о чем Мизес никогда не писал, вопреки частичному и ложному истолкованию его текстов некоторыми его оппонентами, так это о том, что невозможно пытаться воплотить утопию и, в частности, социалистическую систему с помощью насилия. Как раз наоборот: Мизес считал, что теоретическое доказательство невозможности осуществления расчетов в социалистической системе подействует только на тех, кто ошибочно считает, что эта система в состоянии достичь более высокого уровня успешности, экономического роста и развития цивилизации, чем капиталистическая система, но

⁵⁸ Ludwig von Mises, "Economic Calculation in the Socialist Commonwealth" in *Collectivist Economic Planning*, 110. Следует признать, что в написанной по-немецки книге о социализме Мизес выражается несколько резко. Так, на с. 197 второго немецкого издания, опубликованного в 1932 г. и переизданного в 1981 г. (Munich: Philosophia Verlag), читаем: «Der Kapitalismus ist die einzig denkbare und mögliche Gestalt arbeitsteilenden gesellschaftlichen Wirtschaft» (Капитализм — это единственная представляемая и возможная форма общественного хозяйства с разделением труда). В английском переводе заявление, что «капитализм это единственно возможная форма общественного хозяйства» слегка смягчено за счет добавления фразы, которую мы выделили курсивом: «Капитализм — это единственно возможная форма общественного хозяйства, подходящая для исполнения требований, предъявляемых обществом к экономическому устройству» (стр. 194 издания на английском языке). Английская формулировка чуть-чуть точнее немецкой, хотя немецкий вариант полностью согласуется с тем, что Мизес писал ранее в статье об экономическом расчете, так как для Мизеса «общественное хозяйство» означает «рациональное хозяйство». На с. 117 немецкого текста есть другая фраза, которая слегка смягчена в английском переводе. По-немецки мы читаем: «Der Versuch, die Welt sozialistisch zu gestalten, könnte die Zivilisation zertrümmern, er wird aber nie zur Aufrichtung eines sozialistischen Gemeinwesens führen können» (Попытка преобразовать мир в соответствии с социалистическим идеалом могла бы разрушить цивилизацию, но была бы в принципе не в состоянии привести к созданию социалистического сообщества). На с. 118 английского перевода видим: «Она никогда бы не привела к созданию *успешного* социалистического сообщества». Было добавлено прилагательное «успешный». Несмотря на эти небольшие отличия английской версии книги Мизеса о социализме от немецкой, мы считаем, что позиция Мизеса прекрасно отражена в его статье 1920 г. и не претерпела в дальнейшем существенных изменений.

не повлияет на тех, кто защищает социализм из зависти или по эмоциональным, «этическим» и «аскетическим» причинам. В 1920 г. Мизес писал так: «Знание о том, что в социалистическом сообществе разумная экономическая активность *невозможна*, конечно, нельзя использовать в качестве довода “за” или “против” социализма. На того, кто готов стать приверженцем социализма по *этическим* причинам, несмотря на то, что в системе общей собственности на средства производства благ низшего порядка станет меньше, или на того, чье стремление к социализму основано на *аскетическом* идеале, сказанное нами не подействует. Но тот, кто ожидает от социализма разумной экономики, будет вынужден *пересмотреть свои взгляды*»⁵⁹.

Хайек точно так же, как и Мизес, считает, что в некотором «смысле» возможно избрать любой план действий, в том числе безумный и абсурдный, и с этой точки зрения можно сделать даже попытку осуществить на практике социалистическую систему, но с точки зрения теории вопрос о «невозможности социализма» относится исключительно к тому, насколько совместим социализм с теми целями, для достижения которых он предназначен, а именно, с социально-экономическим развитием, как минимум настолько же скоординированным и гармоничным, как при капитализме, а по возможности более скоординированным и более гармоничным. Однако, если цель состоит в том, чтобы покончить с «рыночной анархией», преодолев «несовершенство» рынка посредством принуждения и централизованного, рационального экономического плана, то очевидно, что социализм с этой точки зрения *невозможен*, так как он не способен достичь этой цели. Иными словами, в связи с тем, что социалистическая система одновременно делает *невозможным* рациональный экономический расчет и согласование поведения экономических субъектов, эта система в принципе не может превзойти в сфере координации и эффективности капиталистическую систему. Наконец, Хайек признает, что невозможность достижения экономической эффективности и общее замедление экономического развития, неизбежно вытекающее из невозможности осуществления расчета при социализме, не обязательно изменит желания тех, кто продолжает поддержи-

⁵⁹ Ludwig von Mises, “Economic Calculation in the Socialist Commonwealth,” *Collectivist Economic Planning*, 130.

вать социализм по другим причинам (религиозным, эмоциональным, этическим или политическим), несмотря на то, что в данном конкретном случае экономическая наука предоставляет полезную информацию и оказывает важную услугу даже этой группе людей, так как она демонстрирует им истинные *издержки* их политического, этического или идеологического выбора и может помочь им либо пересмотреть свои взгляды, либо укрепиться в них, что тоже вполне возможно⁶⁰.

Во всяком случае, нет сомнений, что предложенный Мизесом и Хайеком анализ социализма оказался громом среди ясного неба для всех тех специалистов и профанов в экономике, кто охотно и наивно поддерживал социализм, считая его лекарством от всех социальных проблем, которое обеспечит невиданный при капитализме уровень экономических успехов и развития. Также нет сомнений, что для большинства людей то, что социализм ведет к общему обеднению и снижению эффективности — это мощный, и часто окончательный довод в пользу того, чтобы расстаться с идеалом социализма. Однако нельзя не видеть того, что у социалистического идеала есть значительный этический, даже «религиозный» компонент, и что в силу

⁶⁰ Хайек упрекает Мизеса за то, что он часто использует выражение «социализм невозможен», имея в виду невозможность рационального экономического расчета в социалистической системе. В свете некоторых явно сформулированных утверждений Мизеса, включенных нами в основной текст, мы не считаем этот упрек вполне заслуженным. (Мизес пользуется выражениями, похожими на упомянутое Хайеком, исключительно в своей книге о социализме, но их значение совершенно ясно из общего контекста): «Многие первоначальные замечания были на самом деле придирками к словам, и это произошло потому, что Мизес время от времени использовал неточное выражение, будто бы социализм невозможен, имея в виду, что социализм делает невозможным экономический расчет. Конечно, в узком смысле слова реализация любых предложений, который хоть что-то означают, возможна (можно попробовать). Вопрос лишь в том, приведет ли это к ожидаемым результатам, то есть в том, совместим ли предложенный план действий с теми целями, на осуществление которых он направлен» (Ф. А. Хайек, «Nature and History of the Problem,» *Collectivist Economic Planning*, 36). Забавно, что в наши дни, когда революционные перемены в странах бывшего Восточного блока покончили с социализмом, выражение «социализм невозможен» стало широко употребляться в повседневном обиходе.

этого его следует рассматривать с точки зрения социальной этики. Поэтому все большее и большее внимание исследователей привлекает вопрос об этической допустимости социализма, вне зависимости от теоретических проблем экономической эффективности. В самом деле, по крайней мере с точки зрения одной из областей социальной этики (естественного права), есть серьезные основания считать, что социалистический идеал радикально чужд человеческой природе (и это неизбежно, так как социализм основан на применении насилия и систематического принуждения по отношению к наиболее сокровенной и фундаментальной особенности людей: к их способности свободно действовать). Если рассматривать ее с этой точки зрения, социалистическая система не только теоретически неверна, но и этически неприемлема (то есть аморальна и несправедлива); «в долгосрочной перспективе» ее невозможно будет поддерживать и в конечном счете она обречена на провал, поскольку противоречит человеческой природе. С этой точки зрения, наука и мораль — просто две стороны одной медали, а мир логически упорядочен, о чем неизменно свидетельствуют все выводы науки, а также все заключения, сделанные в историко-эволюционной сфере и в сфере морали⁶¹.

⁶¹ В связи с этим мы должны отметить работы по социальной этике Израэля Кирцнера (Israel M. Kirzner; *Discovery, Capitalism and Distributive Justice* [London: Basil Blackwell, 1989]) и Ганса-Германа Хоппе (Hans-Hermann Hoppe; *A Theory of Capitalism and Socialism* [Holland: Kluwer Academic Publishers, 1989]). Оба (вероятно, следует добавить к этим работам слегка устаревшую, но достойную внимания книгу Нозика: Robert Nozick, *Anarchy, State and Utopia* [New York: Basic Books, 1974] [Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008]) доказывают, что социализм не только теоретически невозможен, но и этически неприемлем. Кирцнер выводит это заключение из теории о том, что каждый человек имеет естественное право распоряжаться плодами собственной предпринимательской активности. Хоппе исходит из аксиомы Хабермаса о том, что спор с другим человеком всегда означает приятие и неявное признание индивидуальности «другого Я», его прав собственности на самого себя, на свои мысли и достижения, и выстраивает на этом логическом основании целую теорию прав собственности и капитализма. Про мою теорию *трех* различных, но дополняющих друг друга *уровней* исследования социальной реальности (теоретического, историко-эволюционного и этического) можно прочесть в на-

Если экономическая наука доказывает, что в социалистической системе невозможен экономический расчет и если теоретический анализ социальной этики доказывает, что социализм невозможен также потому, что он противоречит человеческой природе, то какие выводы в этом случае можно сделать из исторического исследования и интерпретации практики социализма? Задача состоит в том, чтобы выяснить, вписываются или нет, те исторические события, которые происходили в социалистических странах, в теоретическую концепцию социализма, предложенную Мизесом и Хайеком. На основании этой концепции мы можем ожидать в результате введения социалистической системы, где люди не могут свободно проявлять предпринимательство, широкого распространения феномена неоптимального размещения ресурсов и факторов, который будет находиться в четкой зависимости от степени ограничения этой свободы и выражаться в том, что в некоторых отраслях производство будет чрезмерно расширяться за счет других отраслей, производящих блага и услуги, в которых население будет нуждаться больше. Кроме того, для этой системы будет характерна чрезмерная концентрация на нескольких конкретных проектах, в оправдание которой будут приводиться исключительно аргументы технического и технологического характера, и такие проекты будут осуществляться вне зависимости от издержек. Как это ни странно, эта неконтролируемая склонность к осуществлению проектов по чисто «техническим» причинам будет препятствовать широкому внедрению новых, более

писанном мной введении к полному собранию сочинений Хайека: F. A. Hayek's *Obras Completas* (Madrid: Unión Editorial, 1990), 23—24. В зависимости от уровня, аморальность социализма раскрывается по-разному. Во-первых, с теоретической точки зрения, социализм аморален, поскольку как социальная система он препятствует порождению информации, которая требуется самой этой системе для достижения избранных ей целей. Во-вторых, с эволюционной точки зрения, нет ничего более аморального, чем социализм, поскольку он представляет собой конструктивистскую утопию, пренебрегающую ценностями традиционных законов и обычаев (*mos-moris*, обычай). В-третьих, с этической точки зрения, социализм представляет собой агрессию против наиболее фундаментальной особенности человеческой природы: способности человека действовать свободно и творчески, а также распоряжаться плодами своего предпринимательского творчества.

эффективных в экономическом отношении технологий и методов производства, которые могли бы быть найдены и испытаны на практике в условиях абсолютной свободы предпринимательства⁶². Иначе говоря, произвольно заниженная процентная ставка вызовет избыточное инвестирование в наиболее капита-

⁶² Хофф подчеркивал, что любое движение от предпринимательства в направлении социализма приводит к тому, что на всех социальных уровнях повышается — явно и неявно — роль технического, инженерного подхода. Как только мы устраним факторы предпринимательской прибыли и издержек, почти неизбежно «техническим» факторам начинает придаваться непропорционально большое значение. Это происходит не только на уровне отдельных отраслей и секторов, но и на уровне общества в целом. Действительно, социалистические политики и чиновники неизбежно начинают верить, что они — выдающиеся «социальные инженеры», способные по собственному желанию корректировать недостатки общества и внедрять изменения, необходимые для повышения уровня социально-экономического развития. В заключение Хофф пишет: «Понятно, что технически совершенный продукт идеально подходит для своей цели с технической точки зрения: он приносит радость инженерам и техническим специалистам и может даже доставлять эстетическое удовольствие обычным людям, но нужно четко осознавать, что производство технически совершенного товара может быть экономически нерациональным и представляет собой, в экономическом отношении, напрасную трату труда и сырья, если, используя их для другой цели, можно удовлетворить большее количество потребностей» (Hoff, *Economic Calculation in the Socialist Society*, p. 141, note 8]). Парадоксальным образом, стремление внедрять последние технологические новшества во всех отраслях, не считаясь с издержками, на практике будет тормозить технологическое развитие общества, поскольку те технологические инновации, которые действительно принесут обществу пользу (то есть те, которые обнаруживаются и реализуются в процессе предпринимательства) нельзя будет найти и применить в нужное время в нужном месте. В свою очередь, Доминик Арментано настаивает на том, что социалистический плановый орган в принципе не может узнать, какой из проектов более экономичен и эффективен, и, соответственно, в среднем его решения будут рассогласованными (как в пространстве, так и во времени), вне зависимости от того, попытается ли он оправдать или «украсить» свое решение техническими соображениями. Обращаясь к знаменитому примеру Мизеса про социалистического менеджера, который должен выбрать между строительством электростанции, использующей нефть, и атомной электростанции, Арментано делает вывод, что «если и когда электростанция строится в конкретном месте с использо-

лoемкие отрасли в ущерб производству потребительских благ и услуг. Иррациональность и рассогласованность будут проявляться на всех уровнях и соответственно при прочих равных, то же самое количество усилий и общественного ресурса в социалистической системе даст в итоге гораздо более низкий уровень жизни и гораздо меньшее количество и более низкое качество потребительских благ и услуг, чем в капиталистической системе. Иными словами, при прочих равных условиях социалистическая система может приблизиться к капиталистической только за счет более высоких издержек для людей, окружающей среды и всех факторов производства, в том числе ненужных и непропорциональных по отношению к результатам.

Хотя здесь не место для подробного анализа исторического опыта социалистических систем, нам стоит упомянуть о том, что историческая интерпретация соответствующих событий служит наглядной иллюстрацией априорных выводов экономической теории социализма Мизеса и Хайека и полностью согласуется с ними. Социалистические правительства продемонстрировали свою неспособность рационально координировать свои экономические и социальные решения, а также поддерживать минимальный уровень корректировки и эффективности⁶³, удовлетворять потребности граждан в потребительских товарах и услугах и стимулировать экономическое, технологическое и культурное развитие соответствующих обществ. Искажения и противоречия, свойственные социалистическим системам бывшего Восточного блока, действительно стали настолько очевидны для большинства населения, что социалистические режимы один за другим пали перед

ванием конкретных ресурсов, решение о ее строительстве будет «произвольным», а не экономическим», поскольку информация

о ценах и издержках, которая на свободном рынке, приводимом в движение предпринимательством, генерировалась бы стихийно, недоступна. См.: D. T. Armentano, "Resource Allocation Problems under Socialism" in *Theory of Economic Systems: Capitalism, Socialism, Corporation*, ed. William P. Snavely (Columbus, Ohio: Merrill, 1969), 133–134.

⁶³ В соответствии с нашей общей логикой, мы рассматриваем «эффективность» не с точки зрения максимизации по Парето, а в качестве свойства предпринимательской координации в творческих средах, где присутствует неопределенность.

лицом требования народа отказаться от социализма и вернуться к капитализму. В этом отношении крушение социализма в странах Восточного блока действительно может считаться триумфом науки и не имеющей прецедента в истории общественных наук иллюстрацией верности теоретического анализа социализма, которым австрийская школа занималась с 1920-х годов. Тем не менее после того, как мы указали на значение этих исторических событий, ставших иллюстрацией теоретических доводов Людвиг фон Мизеса и источником удовлетворения для Хайека, представителей австрийской экономической школы и немногих других, следует добавить, что, поскольку австрийский теоретический анализ заранее доказал, что социализм не может работать, так как основан на интеллектуальной ошибке, и доказал также, что социализм неизбежно вызовет разнообразные искажения и проявления рассогласованности в обществе, то, что миллионы людей были вынуждены многие годы выносить тяжелейшие страдания, чтобы продемонстрировать на исторических примерах то, что с самого начала сформулировала австрийская теория, — это ужасная трагедия. Ответственность за эти человеческие страдания несут не только большинство представителей научного сообщества, с пренебрежением относившихся к австрийскому анализу социализма и даже мошеннически *скрывавших* его содержание, но и убогий, устаревший, хоть и господствующий до сих пор позитивизм, подход которого заключается в том, что способность любой социальной системы к выживанию можно установить только опытным, а не теоретическим путем⁶⁴. За славным исключением Мизеса, Хайека, остальных исследователей

⁶⁴ Например, этот убогий «позитивистский сциентизм», доходящий до степени помешательства, пронизывает американскую систему образования и научные круги, а в особенности труды чикагской школы, включая работы одного из ее наиболее выдающихся представителей Джорджа Стиглера, по мнению которого, обе стороны, участвовавших в споре, не видели «эмпирических» последствий собственной позиции в то время, как только «эмпирические доказательства» способны разрешить существующие противоречия между защитниками капитализма и защитниками социализма. (George Stigler, *The Citizen and the State* [Chicago: University of Chicago Press, 1975], 1—13.) См. блестящую критику позиции Стиглера: Norman P. Barry, “The Economics and Philosophy of Socialism,” *Il Politico* (University of Pavia) year 49, no. 4 (1984): 573—592.

их школы и немногих других, почти все сообщество специалистов по социальным наукам совершило предательство по отношению к человечеству, потому что им не удалось выполнить свой долг ученого, который состоял как минимум в том, чтобы предостеречь граждан об опасностях, связанных с социалистическим идеалом. Поэтому очень важно, полезно и поучительно провести *аудит* научной ответственности, который поставил бы каждого теоретика на его законное место в глазах общественности и в истории экономической мысли, вне зависимости от славы, имени и популярности, приобретенных им в иное время и в иных обстоятельствах.

Нужно сделать оговорку в связи с замечаниями относительно исторической интерпретации практики социализма. Дело в том, что в отличие от многих теоретиков-«позитивистов», мы не считаем и не предполагаем, что самих по себе эмпирических доказательств достаточно, чтобы подтвердить или опровергнуть научную экономическую теорию. Мы сознательно утверждали, что исторические исследования «иллюстрируют» теоретические выводы и «согласуются» с ними, но не писали, что они «подтверждают» их или «доказывают их правоту»⁶⁵. Собственно, хотя мы и не будем заниматься здесь анализом логических противоречий в «позитивистской методологии»⁶⁶, очевидно, что в социальном мире

⁶⁵ См. интересные замечания Фрица Махлупа по этому поводу: Fritz Machlup, *The Economics of Information and Human Capital, of Knowledge: Its Creation, Distribution and Economic Significance*, vol. 3: "Testing versus Illustrating," 231–232.

⁶⁶ Краткий критический анализ позитивистской методологии и обзор наиболее значимой литературы на эту тему см. в моей статье "Método y Crisis en la Ciencia Económica," *Hacienda Pública Española*, no. 74 (1982): 33–48, опубликованной также в моей книге: *Lecturas de Economía Política*, vol. 1 (Madrid: Unión Editorial, 1986), 11–33. Методологические представления австрийской школы уточнялись по мере развития спора об экономическом расчете при социализме, и полный критический анализ позитивистской методологии можно считать одним из наиболее ценных побочных результатов этого спора, поскольку по тем же самым причинам, по которым социализм является интеллектуальной ошибкой (невозможно приобрести необходимую практическую информацию централизованно), в сфере экономической теории невозможно непосредственно наблюдать эмпирические события и невозможно эмпирически проверять какую бы то ни было тео-

опыт всегда носит исторический характер, а значит, всегда связан с чрезвычайно сложными событиями, где действует бесчисленное количество «переменных», и его нельзя наблюдать непосредственно, а можно только интерпретировать в свете предварительно сконструированной теории. Кроме того, поскольку интерпретация исторических событий зависит от теории, чрезвычайно важно предварительно сформулировать, используя непозитивистские методологические процедуры, теории, позволяющие корректно интерпретировать реальность. Соответственно, не существует неоспоримых исторических доказательств, тем более — доказательств, способных подтвердить или опровергнуть какую-либо теорию. Кроме того, даже если бы это было не так, теоретическая полемика вообще и полемика по поводу социализма, в частности, привела к чрезвычайно ценным выводам, и если

рию, — в общем, невозможно делать конкретные предсказания относительно времени и места будущих событий. Это объясняется тем, что объект исследования экономической теории включает представления и знания, которые люди создают в связи с тем, что они делают; эта информация постоянно меняется, обладает высоким уровнем сложности и ее не в состоянии измерять, наблюдать или собирать ни один исследователь (или централизованное бюро планирования). Если бы можно было измерять социальные события и эмпирически подтверждать экономические теории, то социализм был бы возможен; и наоборот, социализм невозможен именно по тем причинам, по которым не работает позитивистская методология. Итак, с учетом их «духовной» природы, «события» социальной реальности возможно интерпретировать только исторически, что всегда требует предварительного наличия теории. В связи с этой захватывающей темой см. библиографию из 33 пунктов в моей упомянутой выше статье “Método,” и особенно: Mises, *Theory and History* (Yale: Yale University Press, 1957) [Мизес Л. фон. Теория и история. Челябинск: Социум, 2007]; Hayek, “The Facts of the Social Sciences,” in *Individualism and Economic Order*, 57—76 [Хайек Ф. Факты общественных наук // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. С. 72—88], а также *The Counter-Revolution of Science* (Glencoe, Illinois: Free Press, 1952 [Хайек Ф. Контрреволюция науки. М.: ОГИ, 2003]), работу, великолепно переизданную в 1979 г. (Indianapolis: Liberty Press). Полезное и беспристрастное описание методологической парадигмы австрийской школы см.: Bruce Caldwell, *Beyond Positivism: Economic Methodology in the Twentieth Century* (London: George Allen and Unwin, 1982), esp. pp. 117—138.

бы их смогли вовремя принять к сведению, можно было бы избежать, как мы уже говорили, не только десятилетий безуспешных экспериментов, но и многочисленных конфликтов, и колоссальных человеческих страданий. Таким образом, *ждать*, пока история не «подтвердит», работает или нет экономическая система, не только бессмысленно с точки зрения логики, поскольку история не может ни подтвердить, ни опровергнуть никакую теорию; это приводит к абсурдному поведению — *заведомому* пренебрежению правильными теориями, сформулированными вне опыта, а кроме того, стимулирует к экспериментам с любыми дикими идеями или утопиями, влекущими за собой колоссальные человеческие жертвы⁶⁷, под предлогом необходимости анализа соответствующих «результатов эксперимента».

Необходимость данных замечаний связана с тем, что, хотя в то время, когда мы начинали писать эту книгу (1990—1991), крушение социалистических систем в странах Восточной Европы и их развитие в предшествовавшие десятилетия действительно в основном полностью подтвердили «предсказания», которые можно было бы сделать на основании теории социализма Мизеса и Хайека, это не всегда было так⁶⁸, и в некоторые исторические периоды существовало даже мас-

⁶⁷ Мизес подчеркивает, что уроков советского опыта недостаточно для формулировки теоретических аргументов в отношении социализма и делает вывод, что «недостатки в системе абстрактных построений — каков и есть социализм — не могут быть вскрыты иначе, чем путем абстрактных же рассуждений» (Mises, *Socialism*, 535 [Мизес. Социализм. С. 370]).

⁶⁸ Популярная интерпретация исторических событий изредка бывает сравнительно «несложной». Например, так было в случае явного провала так называемого «военного коммунизма» (неудачное название), который вынудил Ленина в 1921 г. перейти к НЭПу (новой экономической политике). Интерпретация исторических событий последнего времени, кульминацией которых стало падение всех коммунистических режимов в странах бывшего Восточного блока, тоже довольно очевидна. Вероятно, применительно к другим периодам задача интерпретации исторических событий более сложна, однако даже в этих случаях тщательные исследования всегда подтверждают теорию невозможности экономического расчета при социализме. См. об этом, например, раздел под названием «Опровергает ли Мизеса опыт России?» (“Does Russia Refute Mises?”) в статье: David Ramsay Steel, “The

совое убеждение в обратном, то есть в том, что ход событий в восточноевропейских странах явно «опровергает» теорию невозможности социализма, сформулированную австрийской школой. Кроме того, иногда писали, что даже Хайек⁶⁹

Failure of Bolshevism and its Aftermath,” *Journal of Libertarian Studies* 5, no. 1 (winter 1981): 105–106.

- ⁶⁹ Хайек считал эту версию «бесстыдным искажением» фактов (см. сноску 25 в главе 5), и это действительно так, особенно, если учесть, что те фразы Хайека, которые его критики используют в качестве доказательства его «отступления» с исходных позиций — это не просто оброненные мимоходом замечания, а очевидная дань традиционным нормам академической вежливости, которая была так свойственна Хайеку по отношению к оппонентам, что он позволял им избежать полного разгрома, по крайней мере на бумаге. Именно так следует понимать не только замечания на с. 187 *Individualism and Economic Order* [Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. С. 182], но также текст на с. 238 и 242 статьи “Present State of the Debate” (*Collectivist Economic Planning*), где говорится: «Но хотя это не дает оснований говорить, что подобные предложения “невозможны” в некоем абсолютном смысле, тем не менее остается справедливым, что очень серьезные препятствия к достижению желанной цели существуют и что, по-видимому, их никак нельзя преодолеть» (р. 238 [см.: Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. С. 173]). «Никто не помышляет отбросить всякую вероятность, что решение все-таки будет найдено. Но при нынешнем состоянии нашего знания все же должны оставаться серьезные сомнения в том, что его можно найти» (р. 242 [Там же. С. 176]). Поэтому совершенно неудивительно, что спустя 40 лет после наиболее важных событий спора об экономическом расчете Хайек в своей статье 1982 г. не смог сохранить присущих ему терпения и вежливости по отношению к оппонентам, которые продолжали грубо извращать реальность в связи с его якобы «отступлением» на «вторую линию обороны». Сам Хайек прямо писал, что его вежливость и рыцарское поведение были недобросовестно использованы оппонентами и что он вряд ли желал бы повторить эту ошибку и рисковать остаться непонятым ради сохранения хороших манер: «Вероятно, я мог бы добавить, что в связи с этой книгой Й. Шумпетер в то время обвинил меня в “чрезмерной вежливости” за то что я “практически никогда не употреблял по отношению к оппонентам более сильных выражений, чем ‘интеллектуальное заблуждение’ ”». Я упоминаю об этом в качестве извинения за то, что, встретившись с теми же пустыми фразами более, чем 30 лет спустя, я, возможно, не смогу сохранить такое же терпение и выдержку». См.: “The New Confusion about Plan-

и Роббинс⁷⁰, с учетом опыта практического функционирования социализма в СССР, отказались от радикальной позиции, занятой Мизесом, и отошли на «вторую линию обороны», состоявшую в утверждении, что, хотя социализм и может «работать» (то есть не является «невозможным»), на практике у него неизбежно возникнут большие проблемы с эффективностью. Как мы уже знаем, это совершенно ошибочная интерпретация: ни Мизес, ни Хайек никогда не отошли от своих первоначальных позиций. Напротив, они всегда считали, что события в СССР полностью подтверждают выдвинутую Мизесом теорию социализма, даже в те исторические периоды, когда провалы и пороки социалистической системы были лучше скрыты и менее заметны⁷¹.

ning,” chap. 14, *New Studies in Philosophy, Politics, Economics and the History of Ideas*, 235.

⁷⁰ Нет никакого основания полагать, что Роббинс, столкнувшись с практическими примерами, отошел на «вторую линию обороны» в каком бы то ни было смысле. Роббинс не только прямо признает (*The Great Depression*, note 1, p. 148), что его рассуждения очень близки к рассуждениям Мизеса в книге *Socialism* (в переводе которой на английский Роббинс принял большое участие: он сделал черновой перевод наиболее важных глав и передал его своему другу Джеку Кахане, завершившему эту работу): почти сорок лет спустя в своей автобиографии лорд Роббинс продолжал придерживаться этого мнения и вновь прямо признал верность утверждения Людвиг фон Мизеса о невозможности экономического расчета при социализме, первоначально сформулированного в 1920 г. Роббинс пишет: «Главные тезисы Мизеса — что без системы цен сложно организованное коллективистское общество теряет необходимые ориентиры и в общей рамке такого общества попытка создать такие системы цен, которые имели бы смысл и служили бы стимулами в динамическом контексте, неизбежно вступают в конфликт с главной целью коллективизма — по-прежнему кажутся мне верными и подтверждаются всей историей тоталитарных обществ с того момента, как Мизес сформулировал их» (Lionel Robbins, *Autobiography of an Economist* [London: Macmillan, 1971], 107). См. также: *Political Economy, Past and Present* (New York: Columbia University Press), 135—150.

⁷¹ Такие значительные колебания в уровне сложности интерпретации опыта тех или иных событий также, и даже в большей степени, имеют место применительно к последствиям интервенционизма и социальной демократии в западных странах, и поэтому в таких случаях помощь теории, при наличии этой возможности, является

5. Заключение

В свете всего, что было сказано о споре об экономическом расчете при социализме, можно сделать вывод о том, что ни один из социалистических теоретиков не смог удовлетворительно ответить на доводы Мизеса и Хайека. В большинстве случаев они даже не поняли сути того, о чем говорили Мизес и Хайек. Социалистические теоретики рассуждали в рамках неоклассической парадигмы Вальраса, используя аналитический инструментарий, сильно мешавший им понять истинные проблемы, которые возникают в системе без частной собственности на средства производства и без свободы предпринимательства. Кроме того, перенос спора в область статики (который, в свою очередь, произошел по описанным выше причинам) не дал им увидеть и рассмотреть реально существующие проблемы и создал у них ложное впечатление о том, что эти проблемы были «теоретически решены». Соответственно, выдвинутые Мизесом и Хайеком на самом деле теоретические постулаты остались без ответа и остаются без ответа до сих пор, как это начинают признавать даже сами теоретики социализма. Кроме того, произошедшие в XX в. социальные, экономические и политические события полностью соответствуют тезисам, выдвинутым в теоретических работах Мизеса и Хайека по теории социализма, несмотря на то, что большинство экономистов в западных странах до сих пор считает, что спор завершился в начале 1940-х годов, начиная с этого времени, происходили исследования в области «сравнительного анализа систем» и в сфере теории «реформы социалистических систем», а также развивалась планометрика. Тем не менее этой исследовательской работе нанесло большой ущерб полное игнорирование теоретических проблем, проанализированных в ходе спора об экономическом расчете Мизесом и Хайеком, и это невежество стало одной из основных причин, по которой все эти исследования оказались бесплодными и провалились.

Что касается австрийской школы, то не только теоретики, принимавшие участие в споре с самого начала (в основном Мизес и Хайек), но и все новые и новые их последовате-

еще более существенной, чем в случае так называемого «реального» социализма».

ли продолжали развивать обладающие высокой объяснительной способностью теории, научным источником которых стал этот спор. В этом отношении у спора было множество научных последствий, принесших существенную пользу экономической науке, и в связи с этим особенно важно проанализировать различные области экономической теории, которые уже испытали положительное влияние работ, задуманных и написанных в результате спора об экономическом расчете при социализме. Мы ссылались на многих исследователей младшего поколения в разных местах нашей книги, там где это было существенно для нашей темы, несмотря на то, что более глубокое и подробное изучение их работ мы должны отложить до другого раза.

Текущая ситуация, которая, несомненно, возникла вследствие недавних исторических событий, связанных с крушением социалистических режимов в странах Восточной Европы, за которым следил весь мир, стала стимулом для переосмысления «традиционной» версии спора в соответствии с основными тезисами, изложенными в этой книге. Огромную роль в процессе этого переосмысления играют не только западные экономисты, которые все больше и больше обращаются к этому спору, но и большинство из тех исследователей, которые недавно считались наиболее влиятельными теоретиками в социалистических странах. Мы надеемся на то, что если исследовательский интерес к этому сюжету из истории экономической мысли сохранится, то будет достигнут консенсус, в результате которого господствующие представления о сути и основных последствиях «спора об экономическом расчете при социализме» изменятся. Если это случится, мы будем считать высокой честью и радостью то, что нам удалось внести посильный вклад в разрушение одного из пагубных и не соответствующих действительности мифов, до сих пор бытующих в экономической науке.